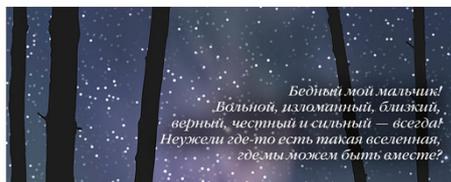

Ольга Карпович

*Бедный мой мальчик!
Важной, изломанный, близкий,
верный, честный и сильный — всегда!
Неужели где-то есть такая вселенная,
где мы можем быть вместе?*

Пожалуйста, только живи!

18+

Ольга Юрьевна Карпович

Пожалуйста, только живи!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079810
Карпович, Ольга. Пожалуйста, только живи! : [роман]: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81526-5

Аннотация

Когда она смотрела на него, он был готов на любые безумные поступки. Когда он находился рядом, она наконец сбрасывала маску и позволяла себе быть слабой. Но судьба, словно нарочно, разводила их дальше и дальше друг от друга. Его забросила в котел жестокой войны, ее – в гущу сложных событий и бандитских разборок. Их разлуки бесконечны, а встречи редки, как живительный дождь в засуху. Но главное для каждого из них – знать, что другой существует на этой земле, что он еще жив. «Пожалуйста, только живи! Далекий, израненный, с искалеченной душой, что бы ни случилось, только живи!»

Содержание

Том первый	5
Часть I	5
1	5
2	8
3	13
4	18
5	24
6	31
7	37
Часть II	48
1	48
2	52
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ольга Карпович

Пожалуйста, только живи!

© Карпович О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Том первый

Часть I

1

– Слышь, Марго, а может, ну его на хрен? – тоскливо прогудел Банан.

– Че на хрен-то, че на хрен? – тут же завелся низкорослый вертлявый Аниська. – Тебе-то че, тебе, конечно, на хрен. У тебя батяня в запое вторую неделю. А мой-то в завязке, злой как черт. Ему еще на кирпичке с лета зарплату не платили... Он завтра на собрание ходит, в журнал глянет – и кранты мне.

– Ну и че, в запое. – Банан, скривив толстые губы, сплюнул под ноги. – Мамка-то не в запое.

– Мамка! – презрительно протянул Аниська. – Мамка-то че, только пилить будет и плакать, сам, что ли, не знаешь? А батя меня сто пудов выдерет. У него ремень знаешь какой, с армии еще. Я в прошлый раз два дня еле на заднице сидел.

Банан вздохнул, сощурившись, поглядел сквозь полуоблетевшие ветки боярышника на косо освещенный фонарем школьный двор и обернулся к худенькой гибкой девчонке с выразительным тонким лицом и темными, спускавшимися до середины шеи волосами, не сводившей остро поблескивающих в темноте глаз с окна на первом этаже.

– Тебе-то это все зачем, а, Марго? Твой-то папахен уже лет пять как в городе не появлялся. Счастливая!

– Хорош трепаться! – коротко оборвала их девчонка.

Она вытащила руку из кармана куртки и указала пальцем на едва заметное светящееся голубое пятно в углу окна.

– Футбол закончился, Михалыч сейчас курить пойдет, пора.

Банан уныло вздохнул, но спорить не решился, выбрался из кустов боярышника и, ссутулив плечи, поплелся вперед, к освещенному куску школьного двора. Аниська двинулся за ним. Рита, сжав губы, наблюдала за их движущимися силуэтами: вертлявый Аниська шел, словно подпрыгивая на ходу, подергивая плечами, здоровый Банан плелся нехотя, подволакивая ноги. Они пересекли освещенную полосу асфальта, остановились у здания школы. Аниська воровато оглянулся по сторонам, вытащил из кармана кусок угля и принялся аккуратно выводить прямо под окном кабинета химии косые крупные буквы. Он успел уже написать «Мезенцева – су...», когда тяжелая железная школьная дверь с глухим стоном отворилась, и на крыльце возник сторож Михалыч.

Рита прикусила костяшки пальцев, сосредоточенно наблюдая за происходящим. Она вся подобралась, готовая рвануть с места, как только представится подходящий момент.

Михалыч сунул в рот «беломорину», похлопал по карманам, отыскивая спички, и вдруг увидел пару хулиганов, бессовестно портящих только этим летом заново выкрашенный фасад школы. Рите показалось, что даже седые усы его хищно встопорщились, предвкушая добычу.

– Вы что? – взревел он. – Вы что это делаете, поганцы?

И бравый Михалыч ринулся вниз со ступенек.

Пора!

Рита выскочила из кустов, бесшумно пересекла школьный двор, краем глаза увидела широкую спину Михалыча, ухватившего нарушителей спокойствия за воротники курток, – ее, взбегающую по ступенькам школы, он теперь видеть не мог.

– А мы че? Мы ниче, – плаксиво завывал Аниська. – Отпустите, Василий Михалыч, мы больше не будем!

– Ага, Анисимов, ты! Так я и знал, паскуда, – разорвался сторож. – И Банаев с тобой! Куда ж без милого друга!

– Да я ваще ниче не делал, я стоял рядом просто! – басил Банан.

Дальнейшего Рита уже не услышала. Она проскользнула за дверь, пронеслась мимо освещенной каморки сторожа, в которой гудел телевизор, и рванула вверх по лестнице на второй этаж. Прислонилась спиной к стене, переводя дыхание.

В школе было почти темно. Из окон коридора лился рассеянный молочный свет уличных фонарей. Отдышавшись, Маргарита двинулась дальше. На секунду задержалась возле доски «Наши отличники». Можно было бы, воспользовавшись случаем, подрисовать усы Ленке Бабенцевой, мерзкой ботанше из параллельного класса. Ладно, жаль время терять, в другой раз.

Вот и дверь учительской, третья по правой стороне коридора. Рита остановилась перед ней, подергала за ручку – заперта. Ничего, она и не рассчитывала, что все получится так легко. Достала маленькие плоскогубцы из кармана куртки, немного повозилась с замком. Короткий щелчок, и дверь подалась вперед, открылась, жалобно скрипнув.

Рита, двигаясь плавно и бесшумно, скользнула в учительскую. Здесь пахло старой бумагой и застоявшимся сигаретным дымом. Ветхие кресла с высокими спинками у окна отбрасывали длинные тени. Зашелестела мясистыми листьями на сквозняке пыльная пальма в углу.

Осторожно ступая, чтобы не заскрипел под ногами разошедшийся паркет, Рита приблизилась к шкафу. Ага, вот здесь, в открытой ячейке. Она пробежалась пальцем по дерматиновым корешкам классных журналов и выудила тот самый, нужный, в тускло-зеленом переплете. Раскрыла первую страницу, прищурившись в темноте, прочитала надпись 9«Б», утвердительно кивнула самой себе, сунула журнал под куртку и выскочила обратно в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь.

Ей самой воровать школьный журнал не было никакого резона. С оценками у нее, в общем-то, было все нормально, и никакая родительская кара за двойки не грозила. Но верные друзья Банан и Аниська очень уж боялись родительского собрания, назначенного на следующей неделе, ныли и упрашивали. И Рита – так уж и быть – разработала план по спасению задниц дорогих друзей от отцовских ремней.

Все предприятие заняло не более десяти минут, но, видимо, и этого оказалось чересчур много для ее нерасторопных поделщиков. Потому что, спустившись по лестнице вниз, Рита обнаружила, что дверь каморки сторожа открыта нараспашку и в самой каморке, удобно расположившись на продавленном диване, отдыхает Михалыч. Едва не вскрикнув от неожиданности, Маргарита рванулась назад, притаилась за углом коридора. Кажется, не заметил.

«Мать твою, куда подевались эти олухи? Они же должны были задержать его, пока я не вернусь!»

Девушка сжала холодными пальцами виски, стараясь сосредоточиться, понять, как теперь действовать. Через окно удрать не выйдет, на первом этаже везде решетки, а со второго прыгать – только ноги ломать. Через столовую? Там, кажется, есть маленькое незарешеченное окошко в кухне. Можно попробовать просочиться.

Проклятый журнал выпирал из-под куртки, мешал бежать. Рита, пригибаясь и оглядываясь, пролетела по коридору и вбежала в столовую.

Темнота. Пахнет подгоревшими булочками и капустным супом. Она прошмыгнула между столов, вперед, туда, где за деревянной раздаточной стойкой открывалась кухня. Легко перемахнула через стойку, двинулась почти на ощупь между каких-то железных чанов и кастрюль. И уже у самого окошка задела ногой цинковое ведро. Тишину прорезал гулкий металлический звук. И тут же из двери подсобки воровато высунулась чья-то всклокоченная голова:

– Кто тут?

Сердце сделало бешеный рывок и заколотилось о ребра. В крови забурлил адреналин. «Повариха тетя Глаша. Что она тут забыла? Ну ясно, приперлась вынести что-нибудь, пока нет никого. Значит, задняя дверь должна быть открыта. Быстреей!»

Рита бросилась вперед, уже не обращая внимания на шум, на ходу натягивая на голову капюшон – может, не узнает. Щелкнул выключатель, задрожал над головой яркий свет.

– А ну стой, зараза! – рявкнула тетя Глаша. – Стой, кому говорю!

Рита добралась до задней двери, через которую в столовую заносили продукты с базы, толкнула ее – открыта! Теперь бегом, этой корове никогда за ней не угнаться.

Она слетела со ступенек и бросилась прочь, слыша, как повариха, отдуваясь, что-то орет ей в спину. «Фамилию не кричит. Значит, не узнала».

Рита пробежала по заднему двору, лихо перемахнула через забор и остановилась, тяжело дыша. Кажется, пронесло. Теперь осталось найти этих засранцев.

Банан и Аниська ждали ее там же, в кустах боярышника.

– Уроды! – коротко бросила им Рита.

– Ну а че, а че нам было делать? Он сам нас отпустил, – затараторил Аниська.

– Сказал, завтра с утра чтоб с хлоркой пришли и все смыли, – поддакнул Банан.

– Марго, ну не заводись, – заныл Анисимов.

– Да пошли вы! – Она, сунув руки в карманы джинсов, пошла вперед.

Пацаны поплелись за ней.

– Ты журнал-то достала? – заискивающе спросил Аниська.

Рита, не отвечая, вытащила из-под куртки тяжелую тетрадь и сунула ему:

– На! Только не плачь!

– Ух ты! – Он обрадованно подскочил. – Марго, ну ты крутая! Ты даже не представляешь насколько.

– Поверь, с самооценкой у меня все в порядке, – бросила Рита на ходу.

– Че? – растерянно заморгал Аниська.

– Ниче! Пошли давай! Где наши?

На косогоре за железнодорожными путями горел костер. Оранжевые языки пламени играли в осеннем вечернем воздухе. Колкие искры, взвиваясь вверх, вспыхивали и гасли. Весело трещали охваченные огнем сухие ветки. Расположившиеся у костра парни радостно приветствовали появившихся на склоне холма Риту и ее друзей.

– Гля, пацаны, сама королева Марго пожаловала, – провозгласил Леха. – Ну че, школото, повезло вам сегодня?

– Пф, ты, я смотрю, как в учагу поступил, так сразу очень взрослый стал? – отбрила Маргарита.

Аниська вскинул вверх нескладные руки, сжимавшие журнал, и запрыгал вокруг костра в каком-то бешеном первобытном танце.

– Вот он! Вот он, падла! Только его и видели.

Кто-то протянул Рите пластиковый стаканчик с портвейном. Она, поморщившись, отхлебнула приторную маслянистую жидкость. Щеки сразу вспыхнули, и рукам стало тепло. Аниська с гиканьем швырнул журнал прямо в костер.

– Придунок, что ли? Сейчас вонь поднимется! – Рита, подцепив уже занявшийся журнал палкой, выудила его из костра, обжигая пальцы, содрала с него дерматиновую обложку. – Теперь давай! Жги!

Втроем с Аниськой и Бананом они с хохотом принялись раздирать школьный журнал на отдельные страницы, мять их и швырять в огонь.

Исписанная бумага корчилась в пламени. Костер вспыхнул ярче, и всем отчего-то сделалось весело. Новая бутылка портвейна пошла по кругу. Банан откидывал белесую челку, щурясь на оранжевый огонь. Аниська, скалясь плохими зубами, отплясывал свой папуасский танец. Рита, разбежавшись, лихо перемахнула через пламя.

– Марго! – окликнул ее кто-то из компании. Она обернула к нему скуластое, в алых бликах пламени, лицо. – Да ты прям ведьма!

И Рита расхохоталась, откинув голову.

Журнал догорел, и веселье тоже стало затихать. Аниська смолил папиросину. Банан отшвырнул в кусты опустевшую бутылку.

– Может, в картишки? – предложил Леха.

– Ага, я с Марго не играю, – хмыкнул Костыль, парень из их же компании. – У нее в колоде 12 тузов.

– А где Марат? – вдруг спросила Рита.

– Так у них же проводы сегодня, – пояснил Леха. – Брат его, Руслан, в армию уходит завтра утром. Мы туда попозже двинем.

– А, ясно.

Рита вдруг поскуичнела, отошла на несколько шагов, опустилась на уже поникшую, пожелтевшую после лета траву, откинулась на локти, закурила. Дым от сигареты тонкой белой струйкой поднимался вверх, расплываясь в темно-синем воздухе. Взревел, приближаясь, поезд. Вспыхнули, появляясь из-за поворота, фары. Темноту прорезал яркий белый свет, а затем загрохотало, загудело, и понеслась перед глазами вереница темно-зеленых вагонов, перечеркнутых оранжевой полосой.

Рита напряженно вглядывалась, пытаясь разобрать на табличках, куда едет этот поезд, но вагоны летели слишком быстро, различить названия не удавалось.

Вот на таком же грохочущем, пахнущем железом и едким мазутом поезде уехал пять лет назад отец. Оставив дома рыдающую мать и пообещав Рите писать. Обещал он, как же. Однажды открытку прислал к Восьмому марта. «Милая доченька, жизнь непростая штука. Прости меня!» Ублюдок!

Рита, щелкнув пальцами, отшвырнула окурок под колеса грохочущего состава. Рядом на траву опустился Леха. Подперев ладонями щеки, тоже принялся смотреть на проносящиеся вагоны.

– Так хочется свалить отсюда куда-нибудь. Правда? – спросила вдруг Рита, не отводя глаз от мелькавших перед глазами задернутых белыми короткими занавесками окон.

– Так в чем проблема? Пошли с нами к Ибрагимовым, – весело отозвался Леха. – Говорю же, проводы у них, Руслан в армию уходит. Там полгорода уже.

2

Во дворе грохотала музыка. Баба Дина наотрез отказалась запускать всю толпу явившихся на проводы в дом и накрыла столы снаружи, под почти облетевшими яблонями. Несмотря на промозглый осенний вечер, гости расхотеться не желали и, похоже, намерены были веселиться до утра.

Бренчали, схлестываясь во время тостов, стаканы, плавал, цепляясь за узловатые яблоневые ветки, сигаретный дым, у недавно выкрашенного в веселый голубой цвет забора вяло

топтало под музыку несколько парочек. Санек, бывший одноклассник Руслана по училищу, вдруг заорал, заглушая магнитофон:

– Афганистан, и по приказу мы встаем!

Тут же по рукам пошла гитара, раздолбанная, дребезжащая, со змеившейся в деке трещиной. Бабуля грохнула на стол еще одну кастрюлю с беляшами, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, пошла в дом, ворча себе под нос:

– Ии, чтоб вас, черти! Все сидят и сидят, пьют и пьют, а мальчику завтра к семи в военкомат. Ишь, глотки дерут, гогочут! А чего радуются?

Марат встретился глазами с братом. В того бульдожьей хваткой вцепился милиционер дядя Коля, пьяно нависал над братом, внушая со значительным видом:

– Армия, Руслан, это, я тебе скажу, такая школа жизни. Это вот сейчас стало у вас, молодежи, вроде не модно. А в наше время мы так и считали: не служил – не мужик! И ты молоток, что не стал вот это все – суетиться, бегать, справки липовые доставать. Так и надо!

Марат заметил, как Руслан важно кивает дяде Коле, едва сдерживаясь, чтоб не прыснуть со смеху.

Он пошел в дом, разулся у порога. Под ногами сухо скрипнули половицы. Мягко ступая по стерильно чистым бабушкиным половицам, прошел мимо кухни, где бабка, все так же бубня себе под нос, ворочала противнями с угощением для гостей. И, наконец, оказался в дальней комнате, где спал последние несколько лет.

Дом их был расположен в старой части города, собственно говоря, почти в деревне. Здесь уже не было ни типовых пятиэтажек, понастроенных некогда для семей рабочих с кирпичного завода, ни разграниченных улиц. Столетние дряхлые домишки стояли кое-как, узкие проулки между ними сплетались, путались, так что иногда и не понятно было, к какой именно улице относится ржавый номер на заборе дома. Эта часть города считалась самой неблагополучной – логовом хулиганья и шпаны. Хотя к братьям Ибрагимовым, выросшим здесь, у участкового до сих пор претензий особых не возникало.

Марат сел на узкую, застеленную пледом кровать, взвизгнувшую пружинами под его весом. С висевшего на стене плаката хитро щурился Брюс Ли – Руслан повесил в период увлечения восточными единоборствами. Марат протянул руку к свернувшемуся на подушке серому котенку. Проговорил тихо:

– Ну, ты тут как, зверюга? Жив-здоров?

Котенок, открыв желтые глаза, сначала испуганно дернулся, затем, узнав хозяина комнаты, заурчал и потерся ушастой башкой о протянутую руку. Марат почесал его за ушами, затем присел на корточки и пошарил в тумбочке у кровати.

– Ладно, котяра, ты на меня зла не держи. Я знаю, приятного мало. Но что поделывать, надо ж нам как-то тебя на ноги поставить?

Он вытащил заготовленный шприц, ловко вскрыл ампулу с лекарством. Котенок настороженно наблюдал за его приготовлениями, но, увидев взлетевшие в воздух мелкие капли, истошно мявкнул, неловко спрыгнул с кровати и потрусил в угол. Ободранный и тощий, он заметно прихрамывал, подволакивая заднюю лапу. Марат приблизился к нему, держа наготове шприц, уверенно и осторожно подхватил животное с пола. Котенок отчаянно выдирался, раздирая державшую его руку острыми коготками.

– Ну-ну, не дергайся, – успокаивающе заговорил Марат. Голос его звучал мягко и ласково, и звереныш в его руках постепенно перестал биться и замер. – Вот так.

Он сделал укол и посадил котенка обратно на кровать.

– Вот видишь? Ничего страшного, только зря дергался. Еще два укола, и будешь как новенький. Так врач сказал, сам же слышал. Зарастет твоя лапа, скакать будешь как тигр. Мы еще из тебя матерого котище сделаем.

Серый котенок принялся вылизываться. Марат машинально наблюдал за его движениями. Он подобрал его пару дней назад, на дороге. Мелкий дурачок умудрился попасть под колесо, задняя лапа была перебита. Марат отнес его в ветеринарку, получил рекомендации от врача и теперь вот – выхаживал.

Сколько он себя помнил, к нему вечно прибывало зверье – выпавшие из гнезд птенцы, потерявшиеся щенки. Как-то летом даже ежик повадился чуть не каждую ночь приходить из леса и топтать по крыльцу в поисках миски с молоком. Марат умел чувствовать животных, сам не до конца понимая природу этого дара. Как будто по глазам зверя, по его дыханию мог сразу понять, что стряслось с бессловесной тварью. Так и выходило, что вечно возился с ними, и всех собак местных подкармливал, и котят выхаживал. Пацаны в компании никак не комментировали это его «не мужественное» хобби. Впрочем, высмеивать себя он бы все равно не позволил. А если надо, и Рус бы вступился.

Рус, Рус...

Марат в задумчивости щелкнул пальцами и проговорил негромко, обращаясь к сразу насторожившемуся котенку:

– Видишь, какое дело, друган! Уходит Рус от нас с тобой...

Руслан был старше Марата всего-то на три года. Однако так уж вышло, что Марат относился к нему не просто как к брату, а почти как к отцу – по крайней мере как к главному мужскому авторитету в семье. Матери Марат почти не помнил, умерла, когда ему было три. Совершенно по-дурачки умерла – сложно расположенный аппендикс, в местной больнице неверно оценили симптомы, полтора месяца лечили от воспаления придатков. По итогам – смерть от перитонита. Так бывает, случай, можно сказать, классический. Теперь, будучи студентом первого курса медучилища, он хорошо это понимал.

Отец же дома был гостем редким. Если и появлялся после очередной отсидки, то только для того, чтобы пьянствовать, склочничать с соседями и мутить что-то таинственное с корешами. В результате этих их тайных сходов чаще всего являлся очередной наряд милиции. Отца грузили в «уазик», и братья Ибрагимовы спокойно жили под присмотром бабки до следующих кратковременных гастролей отца на воле.

И как-то само собой естественно получилось, что Марат во всем старался ориентироваться на старшего брата. Руслан умел все на свете и всему мог научить – плавать, удить рыбу, выбираться из леса, отбиваться от врагов и уходить от погони, если нападавших было слишком много. Руслан объяснял, что хорошо, а что плохо, и Марат верил ему беспрекословно. Преподавал ему своеобразный кодекс чести пацанов из бандитского района – бить первым, за своих стоять до последнего, но того, кто слабее, трогать – запаadlo.

Марат привык во всем всегда следовать за братом. Руслан поступал в спортивную секцию – и Марат шел в секцию за ним, Руслан покупал где-то на сэкономленные деньги раздолбанный мотоцикл – и Марат часами вместе с ним ковырялся в пахнущем смазкой двигателе, Руслан после школы поступил в медучилище, и Марат не стал даже задумываться, какую выбрать специальность.

И вот теперь Руслан завершил учебу, вместе с ней окончилась и отсрочка, – и брат получил повестку в армию. А Марат оставался дома. Чертовы семнадцать лет, ни то ни се. Он еще слабо себе представлял, что с завтрашнего дня Руслана не будет рядом. Как все это будет, ему даже думать не хотелось, только грудь сдавливала какая-то тяжесть, скребущая, щекочущая где-то под лопаткой тоска.

Во дворе загремела Nirvana – слов Марат не разобрал, в английском он дальше, чем «This is a table¹», за годы учебы в школе так и не продвинулся, но по интонации понимал, что

¹ Это стол (англ.).

Курт Кобейн поет о чем-то таком же тоскливом и безнадежном, как эта тяжесть, давившая на его ребра все последнее время, со дня получения Русом повестки.

Тряхнув головой, Марат снова посмотрел на котенка:

– Как тебя назвать-то, а, зверятинка? Может, Курт? – Он коротко рассмеялся и потер царапины, оставленные на руке кошачьими когтями.

Котенок, словно одобряя новое имя, дернул ушастой башкой и повел усами.

– Нравится? Ну, значит, будешь Курт.

Кто-то забарабанил в окно комнаты снаружи, крикнул:

– Маратище, выходи, там твои дружбаны пришли.

И Марат, в последний раз почесав котенка за ухом, вышел из комнаты.

В кухне дядя Коля увещевал бабку:

– Ну чего ты ревешь, старая? Два года быстро пролетят, соскучиться не успеешь. Зато вернется настоящим мужиком.

– То-то братья мои, Ренат и Амин, вернулись мужиками, – скривила рот бабка. – Так и осталось одному девятнадцать, другому двадцать два.

– Ну так то когда было-то? – наседали на нее дядя Коля. – То ж война была, дура ты баба. А сейчас нет ее, войны-то.

– Сегодня нет, завтра есть, – продолжала всхлипывать бабка. – Ты, Коля, на меня не кричи, я побольше тебя на свете живу. Все видела, все знаю!

Дальше Марат слушать не стал, вышел во двор. Поздоровался с Лехой – бывший одноклассник, теперь сокурсник по медухе. Кивнул Аниське, жаждавшему живописать, как они сегодня вечером стащили из школы классный журнал и уничтожили его на радость одноклассникам. Разглядел среди гостей, сгрудившихся у стола, темный затылок Ритки Хромовой. Все, значит, явились – вся старая компания, сбившаяся еще в младших классах и не развалившаяся даже после того, как старшие позаканчивали школу. Все собрались пожрать и выпить на халяву, и никакого дела им нет до того, что его старший брат завтра уходит в армию на целых два года.

Марат вяло отбрехался от друзей и отошел в сторону, уселся на сложенных у забора бревнах. Октябрьская ночь дышала сыростью и холодом. Темное небо провисло над головой, ни одной звезды не видно было сквозь черную хмарь.

Подошел Руслан, коротко потрепал его по затылку, присел рядом.

– Ну, ты чего разнюнился, братишка? Тебе раскисать сейчас нельзя, я ж на тебя все оставляю. – Он коротко рассмеялся.

Марат знал, что они с братом похожи. Оба рослые, плечистые, обоим от татарской бабки достались острые скулы, твердая линия рта и слегка восточный разрез глаз. Мягко кудрявящимися пепельно-золотистыми волосами и светлыми, меняющимися в зависимости от освещения цвет от серого до бледно-зеленого глазами они пошли в русскую мать. Похожие. Только он, Марат, был чуть ниже ростом, крупнее, основательнее – хоть и младше на три года. В фигуре Руслана же чувствовалась легкость и гибкость.

– Ты сразу напиши, как попадешь в часть, – сдержанно буркнул Марат. – А то... бабка волноваться будет.

– А как же, – рассеянно отозвался Руслан.

Марат проследил за направлением его взгляда и убедился, что брат глаз не сводит с Ритки Хромовой, хохотавшей с кем-то за столом. Она откинула голову, и блики от фонаря металась по ее длинной, скульптурно вылепленной, почему-то показавшейся сейчас беззащитной белой шее. В полутьме поблескивали быстрые, кипящие весельем, удивительно светлые, по сравнению с темными волосами, глаза, ровные белые зубы. Вся она была какая-то очень живая, искрящаяся, блестящая, двигалась стремительно и резко, как ртуть.

Руслан никогда особо не поддерживал отношений с его компанией. Ну, ясное дело, для него все они были малявки. Наверное, только Маргарита и вызывала его интерес. Никогда не забывал спросить: «А как там эта ваша, как ее там, Марго? Чего еще отмочила?» Ну это, в общем, и понятно, Ритка – девчонка заметная, лихая, вечная атаманша, предводительница всех дворовых компаний, как чего-нибудь выкинет – потом неделю еще весь город гудит.

– Ты чего? На Ритку, что ли, пялишься? – он подтолкнул брата локтем.

И тот неожиданно смутился:

– Ну че ты сразу – пялишься? Просто смотрю. С лета ее не видел. Совсем взрослая стала.

– Ну прям, взрослая, – хмыкнул Марат. – Шестнадцати нет еще – малява!

А Руслан, не отвечая, вдруг поднялся на ноги и пошел прямо к Хромовой. И, как нарочно, кто-то переставил кассету в магнитофоне, и с заезженной ленты захрипел медляк какой-то, кажется Guns'n'roses.

Марат, прищурившись, наблюдал, как Руслан подошел к Рите, наклонился, что-то сказал ей. Она обернулась к нему, легко поднялась из-за стола и, сделав пару шагов к брату, вскинула руки ему на плечи. Руслан обнял ее за талию и медленно закружил под музыку.

«Во дает, – усмехнулся Марат. – Втрескался, что ли? В Ритку Хромову втрескался? Да она же...» Он сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой, снова покосился на танцующих – и вдруг замер. Как будто увидел Маргариту впервые. Темно-каштановые блестящие волосы, гладкой волной обтекавшие голову, – кончики прядей, мягко завиваясь на концах, щекотали край подбородка. Прозрачные, бледно-зеленые, всегда как будто чуть удивленные глаза. Остро вырезанный край чуть выдававшейся вперед верхней губы, мягкая ложбинка над ней, высокие скулы, на которых дрожали сейчас рассеянные световые блики. Да она же... мать твою, да ведь Руслан прав, она и правда стала настоящей красавицей. Или она всегда такой была, а он почему-то не замечал?

Острое желтое пламя над зажигалкой обожгло пальцы. Марат сбросил оцепенение, чертыхнулся, прикурил сигарету. Фигня какая-то! Это же Ритка, с которой в детстве они нещадно дрались – она, конечно, меньше была, но по ловкости и отчаянности ничуть ему не уступала, в глаз засветить могла только так. Ритка, с которой вместе лазали по чужим садам воровать яблоки. С которой никто из их компании не садился играть в карты, опасаясь остаться без копья (болтали, что отец ее вроде каталой был, работал по поездам дальнего следования, вот и научил дочку, прежде чем свалить в туман). Ритка, привычная, обыденная, свой в доску парень. Почему вдруг она так изменилась? Неужели только потому, что танцует сейчас с Русланом?

Он что-то нашептывает ей на ухо – в любви, что ли, признается? Нашел время! А она улыбается, и в глазах у нее дрожат огоньки.

А потом на крыльцо, тяжело топая, выкатилась маленькая, кругленькая баба Дина и принялась отчаянно ругаться, перекрикивая хрипевший магнитофон:

– И чего вы не уйметесь никак, полуночники? А ну давайте, давайте, сворачивайтесь, по домам расходитесь! Парню завтра вставать чуть свет.

И вот уже кто-то выключил музыку, гости начали разбредаться. Марат, приблизившись, видел, как Руслан разомкнул руки, Ритка легко чмокнула его в щеку и сказала:

– Ну, будь здоров, солдат!

А тот, дурачась, вскинул руку к виску и отрапортовал:

– Служу Советскому Союзу!

На крыльцо выкатился дядя Коля:

– Хромова, ты, я гляжу, еще не в колонии для несовершеннолетних? Ну я тебя закрою, дай срок!

И Маргарита, рассмеявшись, отбрила:

– Дядь Коль, вы про презумпцию невиновности что-нибудь слышали?

Языкастая она, слов умных много знает – начитанная. Понятно, мать у нее раньше училкой литературы в школе работала. Ей бы, по всему, ботаншей быть, даже странно, чего это она вечно со шпаной ошивается?

Рита, махнув Марату рукой, выбежала за калитку, следом за ней ушли последние гости. Дядя Коля утопал в ночь, матеря проклятый радикулит. Бабка, всхлипывая, принялась убирать со стола. Рус приобнял ее за плечи, проговорил ласково:

– Бабуль, ну брось ты убиваться, я ж не на войну иду. Ну, хочешь, я тебе автомат привезу? Специально для тебя стащу в учебке, будешь по соседям палить?

– Ты себя привези, – проворчала бабка и, притянув к себе голову Руслана, быстро поцеловала его в висок.

Потом, когда бабка, управившись с посудой, отправилась уже спать, братья дымили на крыльце.

– Ты че, в натуре, что ли, на Ритку Хромову запал? – осторожно спросил Марат.

Руслан дернул плечами, затянулся сигаретой.

– Ну а если и так? Ты что-то имеешь против?

– Да не, странно просто, – усмехнулся Марат. – Она ж мелкая еще, в школе учится. Ты, может, еще и женишься на ней?

– Дембельнись – может, и женюсь, – вроде бы в шутку отозвался Руслан. – Она как раз подрастет пока. Ты тут смотри, чтобы за ней никто не увивался, пока меня нет.

– Это я легко, – заверил Марат. – Если кто сунется, сразу по шее настучу.

Давно пора было идти спать, но Марат все крутил в пальцах окурков. Хотелось еще что-то сказать брату, важное. Теперь ведь хрен его знает, когда увидятся. Увольнительные ведь не сразу дают. Да еще неизвестно, куда его пошлют, может, оттуда и до дома не доедешь. Руслан же, как нарочно, молчал и никак не помогал брату поддерживать разговор.

Марат так и не нашелся что сказать. Из окна высунулась встрепанная бабкина голова:

– Да сколько можно, курилки? Идите спать уже, сил моих на вас нет, – загремела бабуля.

И Руслан, затушив бычок, хлопнул Марата по плечу:

– Ладно, братишка, спокойной ночи. Приеду – наговоримся еще, – и ушел в дом.

3

На тетрадной обложке было выведено: «История России. Хромова Маргарита, 9«Б». Рита раскрыла тетрадь на середине, клетчатые страницы были исписаны ее размашистым резким почерком. Девушка перечитала последний абзац: «Промозглый ветер ударил в лицо. Вдали пронзительно загудел удаляющийся поезд. Они спустились с перрона и, взявшись за руки, пошли вдоль по тихой улице родного города по направлению к его старому дому. Забор почти обвалился. Из-за покосившихся досок виднелось заброшенное строение с заколоченными окнами».

Она задумалась на минуту, вычеркнула слово «промозглый», вписала сверху, над строчкой, «сырой». Еще немного помедлила, пробегая глазами написанное, а затем, шепотом выругавшись, перечеркнула весь абзац.

Ничего не выходило. Задумана была повесть о человеке, который, попав в неприятную историю, вынужден бежать из родного города и окунуться в совсем другую жизнь. А через много лет вернуться – сломленным и отчаявшимся. Только вот дальше описания побега за последние несколько недель дело не продвинулось.

Ну, действительно, что могла написать о какой-то неизвестной другой жизни она, за свои пятнадцать с половиной лет ни разу не выезжавшая за пределы проклятого городишки. Кирпичный завод, медленно загибавшийся последние два-три года, запущенный городской

парк с криво сколоченной летней эстрадой, железнодорожная станция – вот и все, что она видела в жизни. Ну и сколько можно это описывать? У нее уже полный ящик тетрадей, исписанных приключениями городской шпаны. И что дальше? Да ничего!

Маргарита сунула тетрадь в ящик стола и прошла на кухню. Открыла холодильник, оценила царившее внутри запустение, крикнула:

– Мам, у нас пожрать чего-нибудь есть?

Из дальней комнаты донесся шорох, скрипнули пружины дивана, и в кухне появилась мать, запахивавшая побитую молью шаль. Из-под шали спускалась до щиколоток несвежая ночная рубашка.

– Кажется, были яблоки, – растерянно произнесла она, моргая на Риту вечно сонными глазами.

– Ммм... Какое богатство выбора! – фыркнула дочь сквозь зубы.

– Ну прости, я не знала, что ты захочешь есть, – тоном обиженной маленькой девочки произнесла мать.

– Действительно. Кто мог предположить такое небывалое развитие событий, – буркнула Маргарита.

Мать опустилась на табуретку, съезжилась, зябко наматывая концы шали на пальцы. Рита несколько секунд смотрела на ее затылок – отросшие, давно не стриженные волосы, темно-каштановые и седые пряди вперемешку. Черт, она ведь совсем не старая женщина, ну как можно было в неполные сорок превратиться в этакую всего боящуюся, вечно сонную сморщенную мартышку?

– Ладно, мам, – произнесла она мягче. – Ты сама-то ела что-нибудь сегодня?

– Яблоки ела, – улыбнулась мать. – Ты же знаешь, у меня отвратительный аппетит.

– Знаю, – кивнула Рита. – Давай пойду сосисок, что ли, куплю, пока мы тут не позеленели от твоих яблок.

– Как скажешь, дочка, – прошелестела мать.

Рита еще хорошо помнила времена, когда мать была веселой, смешливой, как ребенок, ну, может, немного восторженной, экзальтированной, но в целом вполне нормальной. Угораздило же ее, школьную училку русского и литературы, этакую идеалистку, Наташу Ростову – «Умри, но не давай поцелуя без любви» и прочая романтическая фигня, – в свое время спутаться с Ритиным отцом, человеком без определенных занятий, не отягощенным общепринятыми моральными принципами.

Отец Риты, как она догадалась позже, был профессиональным каталой, разводил пассажиров поездов дальнего следования на карточную игру, обчищал как липок и сходил с поезда на ближайшей станции. Наверное, доплачивал что-то проводникам, чтоб дали ему уйти, не поднимая шума. В детстве она этого, конечно, не понимала. Он был для нее просто папа-праздник, появлявшийся дома изредка, привозивший дорогие подарки и угощения. В те дни мать всегда становилась как будто моложе, вся светилась от его присутствия, двигалась пританцовываяще, как девчонка.

Вот же восторженная идиотка! Все ему прощала, никогда не верила в его темные делишки. Рассказывала всем, блестя глупыми влюбленными глазами, что муж занят важной работой, связанной с долговременными командировками. Одна из этих «командировок» растянулась на два года – это потом уже Рита сообразила, что папаша попросту допрыгался и схлопотал-таки срок. Мать, впрочем, ни словом об этом не обмолвилась и продолжала верно ждать мужа.

Подкосило ее слепую веру в отца только прозвучавшая по возвращении просьба о разводе. Дорогой папаша, пряча глаза и раздраженно двигая скулами (это от него, гада, достались Рите такие четко очерченные скулы), сообщил, что там, в «командировке», начал пере-

писываться с одной женщиной из Владивостока и намерен теперь связать с ней свою жизнь. Рита до сих пор не понимала, зачем ему это понадобилось. Мать же все равно ни о чем не спрашивала, верила всей лапше, что он вешал на ее доверчивые уши. Мог бы себе спокойно жить хоть на три семьи, она бы в жизни ничего не заподозрила. Чего вдруг в нем разыгралась не ко времени откровенность? Может быть, та другая баба потребовала штампа в паспорте? Теперь уже никогда не узнаешь!

Он уехал, вскочив в проходящий мимо их станции громыхающий и воняющий мазутом поезд, но мать все равно продолжала его ждать. Вздрагивала от каждого стука в дверь и с выворачивающей душу надеждой смотрела на вошедшего. Почему-то она была уверена, что обожаемый ею муж вернется – не сейчас, так через месяц.

Но отец не вернулся ни через месяц, ни через два, ни через полгода. Мать сначала просто рыдала в подушку, почти не ела, перестала выходить на работу, а все больше лежала на диване лицом к стене. Потом начала жаловаться своей тогда еще десятилетней дочери, что ей страшно, что ночами по квартире кто-то бродит, что соседи ненавидят ее и желают ей смерти. В конце концов после очередной, длившейся несколько часов, истерики за матерью приехала психиатрическая «Скорая» и увезла ее в дурку. Мать вернулась из нее через три месяца успокоившаяся, только слегка заторможенная и совершенно потерявшая, казалось, мотивацию к какой бы то ни было активной деятельности.

На работу она так и не вышла – довольствовалась пенсией по присвоенной после лечения инвалидности. Из дома почти не выходила, да и с дивана старалась лишний раз не вставать – зачем? Целыми днями дремала, завернувшись в плед, и, кажется, та реальность, которую она видела во сне, нравилась ей куда больше, чем настоящая жизнь, воспринимавшаяся теперь ею как досадное недоразумение, контактировать с которым нужно как можно меньше.

Рита в целом давно оставила попытки пробудить мать от этого сомнамбулического состояния и научилась находить в нем свои плюсы. По крайней мере, мать никогда не лезла в ее дела, не доставала советами и поучениями и вообще, кажется, считала дочь куда более взрослой, сильной и опытной, чем она сама.

Рита натянула джинсы, влезла в рукава куртки и собиралась уже выйти в магазин, когда в дверь неожиданно позвонили. Звонок верещал и верещал, кажется, кто-то там, за дверью, прочно приклеился пальцем к кнопке. Мать почти стремительно, насколько это было возможно в ее амёбном состоянии, выскочила из комнаты и замерла в дверном проеме, стиснув на груди руки – каждый неожиданный звонок в дверь она принимала за возможное возвращение отца. Рита щелкнула замком – и в прихожую ворвалась школьный завуч Татьяна Владимировна, прозванная любящими учениками Кобылой.

Прозвище довольно точно характеризовало внешность завучихи – гренадерского роста, жилистая и голенастая, с крупными лошадиными зубами, с тощей шеей – она и в самом деле была похожа на старую изъезженную рабочую клячу.

– Хромова! – рявкнула Кобыла с порога. – Я тебя предупреждала, Хромова, что ты допрыгаешься. Где журнал твоего класса?

«Ага, уже обнаружили, значит», – поняла Рита и, напустив на лицо самое безмятежное выражение, ответила:

– В учительской в шкафу, наверное, как обычно. А что случилось?

– Не смей мне лгать! – хлестко оборвала Татьяна Владимировна. – Ты прекрасно знаешь, что там его нет. Его украли. Нагло проникли в учительскую и украли. Ты украла! Глафира Петровна тебя видела!

– Видела что именно? – спокойно уточнила Маргарита. – Как я выносила журнал из школы? Тогда лжет именно она.

– Она видела тебя в школе во вторник вечером. А в среду выяснилось, что журнала нет. – Кобыла кипела негодованием и брызгала слюной. – Ты соображаешь, что ты сделала? Это официальный документ. Государственный документ, Хромова! И тебе это так не сойдет с рук. Чаша нашего терпения давно переполнилась! Ты позоришь всю школу. Завтра на экстренном педсовете я поставлю вопрос о твоём отчислении ребром. Хватит!

– Здесь какая-то ошибка, – дрожащим голосом вступила мать. – Моя дочь не могла этого сделать.

Кобыла, кажется, только теперь обратила на нее внимание. Она повела жилистой шеей, покосила налитым кровью мутным глазом и обратила поток своей праведной ярости теперь уже на Ритину мать.

– Елена Сергеевна, я глубоко уважаю вас как педагога. Бывшего педагога! Но то, как вы относитесь к воспитанию вашей дочери, просто преступно! Вы совершенно запустили ее, ребенок предоставлен самому себе. И меня ничуть не удивляет, что ваша дочь пошла по кривой дорожке!

Мать часто заморгала, губы ее затряслись, пальцы, вцепившиеся в края изношенной шали, задрожали.

– Да, да, я виновата, – шепотом заговорила она. – Я так виновата. Пожалуйста, Татьяна Владимировна.

Рита, до сих пор смотревшая на все происходящее с кривой ухмылкой, шумно выдохнула. Глаза ее угрожающе сузились. Видеть мать, хлюпавшую носом перед нагло отчитывавшей ее школьной стервой, было невыносимо. Острая жалость к ней, такой маленькой, беззащитной, больно колола где-то в горле. И становилось мучительно стыдно – за себя, за всю эту идиотскую аферу с журналом, за то, что допустила ситуацию, в которой мерзкая школьная стерва будет отчитывать ее мать как девчонку. Она просто обязана была прекратить это, защитить маму.

Маргарита шагнула к двери и распахнула ее:

– Убирайтесь отсюда! Из нашего дома! Быстро! Иначе я сейчас милицию вызову!

На впалых щеках Кобылы вспыхнули свекольные пятна. Она дважды распахнула и захлопнула рот, затем угрожающе прошипела:

– Ну все, Хромова, об этом ты точно пожалеешь. Если завтра к восьми утра журнал не будет в учительской... – Так и не закончив свою тираду, она наконец вымелась из квартиры и бодрым аллюром двинулась вниз по лестнице.

Как только дверь за завучихой закрылась, мать вцепилась в Ритины руки и, заикаясь, заговорила:

– Риточка, что же это такое? За что она нас так? Ритуша, отдай им этот журнал, я тебя прошу, отдай...

– Мам. – Рита устало обняла ее, стараясь силой своих рук остановить колотившую мать дрожь. – Нет у меня никакого журнала. Все будет хорошо. Успокойся, ладно? Просто успокойся!

Мать тряслась и рыдала еще полтора часа. В конце концов, отчаявшись успокоить ее самостоятельно, Рита набрала номер соседки Эсфири Леонидовны Розенфельд, психиатра на пенсии.

Эсфирь Леонидовна появилась в квартире через десять минут после звонка. Высокая сухощавая старуха с коротким ежиком седых волос и крупным, похожим на спелую грушу, носом, отмотавшая в свое время десятку в сталинских лагерях, Эсфирь Леонидовна была, пожалуй, единственным человеком, умевшим приводить мать в относительно спокойное состояние. Вот и сейчас, едва войдя в квартиру, она оттеснила Риту в сторону и прокаркала своим грубым прокурненным голосом:

– Елена, ты чего это удумала сырость разводить? Ты мне брось эту меланхолию живо! Ну, что там у тебя за вековая скорбь, рассказывай!

С этими словами старуха прошествовала в комнату к матери, держа наперевес потрепанный дерматиновый саквояж, и прикрыла за собой дверь. В следующие полчаса из-за двери доносились лишь приглушенные всхлипывания Елены Сергеевны и умиротворяющий басок железной старой карги. Рита рассеянно смотрела в окно. Во дворе трехлетняя Танечка из соседнего подъезда уныло ковыряла лопаткой почерневшие от дождей опавшие листья. Сосед Гриша методично обшаривал урны в поисках пустых бутылок – надеялся, бедолага, наскрести на опохмел.

Значит, долбаная тетя Глаша все же ее рассмотрела, соображала Рита. И не преминула настучать. Ясное дело, доказать им ничего не удастся. Впрочем, они и доказывать не станут, выпрут из школы по совокупности прегрешений. Да и хрен бы с ними, не пропаду. Только бы мать как-нибудь заболтать, а то ведь опять схватит какой-нибудь реактивный психоз на почве переживаний.

Надо было все-таки не полагаться на этих долбоклюев, а идти за журналом с Маратом. Ну, потеряли бы лишний день, зато сделали все наверняка. Марат бы не подвел. Из кожи вон вылез бы, а задержал сторожа во дворе. Марат, он...

– Ну, что ты там стоишь как памятник Ришелье? – гаркнула за спиной бесшумно появившаяся в комнате Эсфирь Леонидовна.

Рита обернулась, и старуха показала ей ампулу и шприц.

– Спит твоя многострадальная мамаша сном праведницы. Вколешь ей еще дозу через 12 часов. Справишься?

– Чего бы нет, – дернула плечами Рита. – Первый раз, что ли.

Соседка принесла с кухни чистую тарелку и аккуратно разложила на ней все необходимое для укола. Затем уселась на стул и выудила из помятой пачки «беломорину». Зажала кривыми искореженными пальцами спичку, чиркнула о коробок и пустила облако голубого дыма.

– Ты и в самом деле сперла этот журнал? – Эсфирь Леонидовна вскинула лохматые седые брови.

– А вам-то что? – огрызнулась Рита. – Или хотите на педсовете против меня свидетелем выступать?

– Маргарита, иди в жопу! – доброжелательно посоветовала старуха. – Просто интересно, зачем он тебе понадобился? Неужели тебя дома за плохие отметки ремнем охаживают?

Рита, не сдержавшись, фыркнула. Представить себе мать, гонящуюся за Ритой по квартире с ремнем, было настолько нереально, что вспыхнувшая в голове абсурдная картина представлялась и в самом деле смешной.

Рита неопределенно повела подбородком и ответила:

– Просто так... скучно было.

Эсфирь Леонидовна кивнула и скривила губы:

– Ишь, Печорин Калужской области. Острых впечатлений, значит, ищешь? Или, может, хочется быть вожаком в компании, а? Зловещая репутация, власть над юными сердцами, мм? Наверняка ведь тебе нравится какой-нибудь поц, из ваших, вот ты и стараешься?

Маргаритины глаза угрожающе сузились:

– Ну а если и так, то что? – нехорошо усмехнулась она.

– Жалко. Умная девка, а тратишь жизнь на всякую хреновину! – отрезала старуха.

– Можете дать добрый совет, чем мне другим заняться? – с вежливой издевкой уточнила Рита. – Взяться за учебу, окончить школу с медалью – и что? Пойти убиваться на кирпичку за гроши? Или нарожать стадо сопляков и варить им щи?

– Добрые советы – не мой профиль, – презрительно возразила старая психиатриня. – А заняться ты могла хотя бы своей писаниной. Можешь не сверкать глазами, твоя мать – то еще трепло. Твое счастье, что из собеседников у нее только я. В чем ты совершенно права, так это в том, что здесь твои литературные начинания задаром никому не нужны. Или, может, скажешь, что вся твоя компания – ярые почитатели твоего таланта?

Рита отвела глаза, и Эсфирь Леонидовна победоносно кивнула.

– Именно что! Они и не знают про твои упражнения, потому что в вашей среде кропать ночами в блокнотик – недостаточно брутальное увлечение. Но, детка, мир, к счастью, не ограничивается нашим замшелым городишкой. Тебе уезжать отсюда нужно. Но пока что твои экзерсисы ведут к тому, что двинешься ты отсюда совершенно не в ту сторону. Скорее всего, куда-нибудь в сторону колонии для несовершеннолетних!

– Да бросьте, никогда я отсюда не свалю, – отмахнулась Маргарита. – У меня вон, – она мотнула головой в сторону соседней комнаты, – отягчающие обстоятельства покругче малолетнего ребенка. Я уеду, так она совсем вставать с кровати перестанет.

Старуха ткнула бычком в пепельницу и поднялась со стула.

– Кто хочет, ищет способ, кто не хочет – причину. Жертвенность – хорошая черта, но совсем не твоя, деточка. У тебя вся жизнь впереди, и будет очень обидно по-глупому ее просрать.

Соседка помолчала и добавила уже мягче:

– А за матерью твоей, если решишься, я присмотрю. Я-то, старая жопа, отсюда, к сожалению, никуда уже не двинусь. Лет столько, что и говорить неприлично – столько не живут.

Эсфирь Леонидовна прошаркала в прихожую, на пороге еще раз обернулась:

– Значит, запомнила? Еще один укол через двенадцать часов. И постарайся все-таки оградить Елену от этих школьных климактерических сук. С ее анамнезом ей общение с ними категорически противопоказано.

4

Марат ждал Риту позади школы. Осенний ветер гонял по двору дребезжащую пивную банку. Набрякшее небо цеплялось лохматыми краями за школьную крышу. Казалось, вот-вот начнет сыпать снег. А ведь только две недели назад, когда провожали Руса, было еще тепло.

Из-за угла здания школы появилась Рита. Пошла к нему, ссутулившись, спрятав руки в карманы куртки. Сердце снова ухнуло куда-то в живот, и Марат рассердился на себя. Да что за фигня? Они знакомы с детского сада! Почему после того вечера у него напрочь крыша съехала? Только и знает, что тарашится на ее руки, плечи, локти, колени. Эти выпирающие ключицы, острые косточки на запястьях, взлетающие к вискам брови... И во рту пересыхает, и в груди начинает сладко болеть и тянуть.

На хрен все это! Она нравится Руслану, он собирается на ней жениться, когда вернется, сам сказал. А Марат обещал отметить любого, кто к ней сунется. Так он и сделает. Самого себя отметелит, если нужно будет.

Рита подошла и остановилась напротив. Он спрыгнул с забора, смотрел куда-то мимо. Почему-то после того вечера в глаза ей стало смотреть трудно.

– Ну что?

– Что? – Она со злостью скривила губы. – Вытурили, конечно! Во, гляди! – Рита помахала перед его носом картонной папкой. – Документы отдали – и дуй на все четыре стороны. Биссектриса пыталась за меня вступиться, но Кобылу прям аж трясло – отчислите ее, иначе я пишу заявление об уходе. Или она уйдет, или я уйду! Ну, я сказала ей, мол, не пробуждайте в людях напрасных надежд. После этого, конечно, они совсем там озверели – и гуд-бай.

Марат сделал над собой усилие и все же заглянул ей в лицо. Веки девушки слегка припухли, слева под глазом растеклось что-то темное.

– Ты что, плакала? – осторожно спросил он.

– Я? – Она хмыкнула. – Ну, конечно, рыдала горячими слезами, умоляла простить.

Плакала, скажешь тоже...

– Просто у тебя тут...

Он шагнул ближе, протянул руку и потер кончиком пальца темное пятнышко под глазом. И тут же всю руку словно пронзило электрическим разрядом. От одного прикосновения к ее такой гладкой, прохладной коже, от того, что темные ресницы коснулись подушечки его пальца, когда она моргнула. Он чувствовал ее дыхание на щеке, ее запах – запах холодного осеннего ветра, сигаретного дыма и чего-то горько-сладкого, кружащего голову. Рита не отстранилась, не оттолкнула его. Показалось или глаза ее потемнели, зрачки расширились, а губы чуть приоткрылись?

Он замер на мгновение, потом резко отдернул руку, спросил, отвернувшись:

– Кстати, а тебе Рус не звонил? Или, может быть, писал?

– Мне? С какой стати? – удивилась Рита. – Ладно, пойдем отсюда.

Они вышли из школьного двора и пошли вниз по улице, не соприкасаясь плечами.

Ветер гнал вниз по улице сухие листья, хлопал дверями подъездов. Марат упорно смотрел вниз, на белые кроссовки девушки, легко ступавшие по серому, иссеченному трещинами и выбоинами асфальту.

Почти не разговаривая, они добрались до окраины города и вышли к железнодорожным путям. Остановились на косогоре, там, где всего несколько недель назад весело потрескивал в костре школьный журнал. Рита присела на поваленное дерево и принялась дышать на озябшие ладони. Больше всего на свете Марату хотелось сейчас взять ее руки в свои, прижать к губам заледеневшие пальцы. Но он не смел прикоснуться к ней, лишь опустил рядом на промерзшую землю.

Вдалеке заревел паровозный гудок, застучали колеса. Появился поезд, обдал их едким дымом, зашипел, притормаживая перед маячившей впереди, слева от них, станцией.

– Что ты будешь делать теперь? – спросил наконец Марат.

Рита тряхнула головой, темные блестящие волосы взметнулись вверх и мягко опустились, скользнув по щекам.

– Завтра подам документы в вечерку. Думаю, проблем не будет, все-таки я не самая последняя тупица в этом долбаном городе. А потом... – она усмехнулась, – постараюсь протянуть еще полтора года без эксцессов. Нет, серьезно, буду зубрить не хуже Ленки Бабенцевой, и они просто обязаны будут выдать мне приличный аттестат.

– С чего это ты вдруг решила податься в отличницы? – изумился он.

– Понимаешь, очень хочется свалить отсюда. Хоть куда-нибудь, к чертовой матери. Но лучше все же напрямиком в Москву. А сделать это, как ни крути, проще всего, поехав туда учиться. Не, ну серьезно, забить на вольную жизнь на полтора года – не такая уж большая жертва, правда? Зато потом начнется настоящая свобода.

Она мечтательно откинула голову, и Марат вздрогнул, глядя на ее напрягшееся белое горло.

– Наверно, – смущенно буркнул он. – А ты сможешь?

Рита иронически хмыкнула, словно говоря «Еще бы!», потом вдруг быстро взглянула на него и сказала серьезно, без улыбки:

– Поехали со мной? Вместе!

Его как будто подбросило. Она что, правда это сказала? Маргарита, самая яркая девчонка в городе, бессменная атаманша, бесстрашная, отчаянная, упертая, – зовет его, обычного, ничем не примечательного парня уехать с ней? И это возможно? Вместе запрыгнуть

вот в такой поезд, стоять рядом в тамбуре, слушать, как грохочут колеса, а ночью, когда весь вагон уснет, протянуть руку вниз, с верхней полки, поймать ее пальцы и гладить их, гладить...

– А как же Руслан?

– А Руслан тут при чем? – удивленно спросила она.

– Ни при чем. – Он резко поднялся на ноги. – Пойдем отсюда. Холодно!

Руслан позвонил в середине декабря. Бабка, испереживавшаяся без вестей, хваталась за трубку обеими руками и кричала навзрыд:

– Мальчик мой, как ты там? Ты здоров? Ты хоть скажи, куда тебе посылку прислать? Я носочки теплые связала...

Марат, стоя рядом, слышал лишь знакомый голос, звучавший в трубке, но слов разобрать не мог. В ногах терся Курт – за последние несколько месяцев котяра отъелся, вымал и, кажется, совершенно забыл о былой травме. Правда, нрав сохранил дикий, уличный, бывало, что днями шлялся где-то, не заглядывая домой, но потом всегда возвращался.

– Русланчик, а у нас холодно, – говорила бабка. – В шестнадцатом доме, у Комаровых, трубы полопались. Как бы у нас тоже не треснули, останемся же без воды на Новый год.

Наверно, брат потом попросил позвать его, потому что бабка сунула ему в руки трубку и, шмыгая носом, отошла.

– Рус, – радостно закричал Марат. – Ну, ты как там? Где служишь? Чего не писал?

В трубке что-то трещало и шелкало. Затем откуда-то издалека послышался приглушенный голос брата:

– Здорово, Маратище, ужасно рад тебя слышать! Писать ну не получалось как-то, сам знаешь, какой из меня писатель. – Он рассмеялся. – Вы там не волнуйтесь, со мной все в порядке. Бабулю успокой, если можешь.

– А где ты? Где ты сейчас? – допытывался Марат.

– Я не все могу говорить, сам понимаешь, – отозвался Руслан. – Нас тут, наверно, переправят кое-куда в ближайшее время. Ну, ты телевизор смотришь, сам сообразишь.

Марат непонимающе замигал. Телевизор он не смотрел.

– Ну, вы там не паникуйте, со мной все будет отлично. Обещаю! Ты понял?

– Понял, – кивнул он. – С тобой все будет отлично. А что...

– погоди, – перебил брат. – Как там... ну сам понимаешь, кто.

Марат сглотнул комок в горле, кашлянул.

– С ней все в порядке. Все хорошо.

– Ну, здорово. Передавай привет! Ладно, братишка, не могу больше говорить, тут еще другим пацанам позвонить надо, нам только по паре минут дали на каждого. Будь здоров! Еще увидимся!

В трубке снова заскрежетало, а затем раздалась протяжные гудки. Марат аккуратно опустил ее на старенький, обмотанный изолентой телефонный аппарат.

Он не знал еще тогда, что брат единственный раз в жизни не сдержит обещания.

Перед Новым годом неожиданно потеплело. Над окнами выросли прозрачные сосульки, в подоконник круглые сутки барабанила капель – как весной. Бабуля решила собрать на Новый год друзей дома – наверно, устала от мрачной тишины, опутавшей жилище после того, как Руслан ушел в армию. Марату запомнилась предпраздничная суэта, аппетитный запах с кухни. В комнате накрыт уже был стол, вечно голодный Аниська рыскал вокруг него, зыряя глазами – чего бы незаметно стащить. Банан, кривя толстые губы, пытался пристроить магнитофон на подоконнике так, чтобы провод дотягивался до розетки. Леха умело откупоривал бутылки, приговаривая своим тягучим голосом:

– Пить будем, гулять будем, а смерть придет – помирать будем.

Катя, девчонка из их училища, к которой Леха в последнее время подкатывал, раскладывала на столе вилки и ножи, гоняла Аниську:

– А ну руки убрал! Че тебе не терпится?

Маргарита, особенно красивая сегодня, в узком, черном, чуть мерцающем в электрическом свете платье возилась с елкой.

– Марат, – позвала она, – иди сюда, помоги гирлянду прицепить.

Он шагнул к ней, жадно вдохнул незнакомый запах чуть горьковатых духов, перехватил провод. Руки их встретились, соприкоснулись пальцами в колючей хвое. Качнулся золоченый елочный шарик, и в Ритиных глазах заплясали золотые искорки. И тут же загремела музыка – это Банан врубил наконец магнитофон.

Марат ненадолго выскочил из комнаты, хотел спросить у бабули, не пора ли вытаскивать на стол оливье. И увидел вдруг, что кухня пуста.

– Бабуля! – позвал он. – Баб Дина, ты где? Уже празднуешь, что ли?

Дверь в бабкину комнату была открыта, в темноте голубым боком светился телевизор. Марат подошел ближе и увидел бабушку, застывшую на краю кровати. Подперев сморщенную щеку кулаком, она, как замороженная, смотрела на экран.

Марат вошел в комнату, опустился на край кровати рядом с ней. На экране мелькала военная техника, ползущие БМП, какие-то люди в военной форме. Затем картинка погасла, и появился диктор, сбивчиво зачитывающий экстренное сообщение. Марат, успевший уже выпить с друзьями, не сразу понял, что происходит, тронул бабулю за плечо:

– Это чего это? Вместо «Иронии судьбы» показывают?

– Дурак ты, и башка твоя дурацкая! – шепотом проговорила бабка и обернула к нему помертвевшее лицо. – Война, Маратик! Война началась, чтоб они все там сдохли, политики проклятые!

– С кем война? – не понял Марат.

– А я знаю, с кем? Объявляют, что с этими – как бишь их – чеченами. Вот сказали сейчас, штурм Грозного идет. Марат, ведь это наши ребята там, это в них стреляют. Русланчик... он там сейчас, я знаю, чувствую! – Она сухим кулачком ударила себя по груди.

– Бабуль, бабуль, ну что ты... – Марат обнял вздрагивающие плечи бабушки. – Брось панику разводить. Откуда тебе знать? Может, он и не там совсем. Ты погоди, вот увидишь, он позвонит через несколько дней. Или письмо придет. С ним все будет отлично, бабуль. Он мне обещал.

А в голове, перекрывая звук телевизора, звучал голос Руслана: «Нас тут, наверно, переправят кое-куда в ближайшее время. Ну, ты телевизор смотришь, сам сообразишь».

А потом была сумасшедшая новогодняя ночь. Музыка, хохот, бенгальские огни. И Марат усилием воли заставил себя не думать о том, что увидел по телевизору. Сделать вид перед самим собой, что этого разговора с бабой Диной просто не существовало. С Русланом все в порядке, он же обещал. А весь этот бред – какие-то бомбежки, БТР, штурм какого-то там далекого города – не имеют к нему никакого отношения. Новый год же! Какая еще война?

Он, кажется, пил и смеялся в эту ночь больше всех, стараясь вытолкнуть из головы проклятые мысли. Банан уснул, рухнув мордой в стол, а Аниська швырялся петардами из окна. Потом били куранты, и Катя, эта восторженная дурища, заорала:

– Желания, желания! Надо загадать желание!

И Леха сказал:

– Я знаю, что загадать. У меня только одно желание – чтоб меня из учаги не выперли.

А то мне препод по акушерству зачет никак не поставит.

А Аниська заорал:

– Да херня этот твой зачет. Я вот загадаю, чтоб мне батяня мощик свой отдал.

И Банан, вдруг проснувшись, прохрипел:

– Ящик водяры! – и устался в потолок, как будто ожидая, что этот самый загаданный ящик прямо сейчас свалится ему на голову.

И Рита была рядом, смеялась и сжимала в пальцах тонкую ножку бокала. Интересно, что она загадала?

Марат знал, что нужно бы загадать про брата, – чтобы Рус не был там, чтобы он сейчас встречал Новый год где-нибудь под Курском или Воронежем, в теплой казарме. А не там, где трещали автоматные очереди и рвались снаряды. Но загадал почему-то – про Риту. Чтобы каким-то чудом все разрешилось, и они были вместе, вместе ехали в поезде, стояли в тамбуре, взявшись за руки, и смотрели в окно, на проносящиеся мимо линии электропередачи.

Он навсегда запомнил тот январский день, вскоре после наступления нового, 1995 года. С утра подморозило, и солнце ярко искрилось в заиндедевевших окнах домов. Снег хрустел под ногами, рассыпаясь серебряной трухой. Он вернулся из училища радостный – сдал экзамен, еле-еле вытянул. Уже казалось – все, пара, отправят на пересдачу. А потом вспомнил все-таки верный ответ, сообразил, начертил на доске нужные формулы – пальцы и сейчас еще были сухими от мела.

Едва свернув на знакомую улицу, Марат увидел, как из дома выходят какие-то незнакомые люди в военной форме. Это еще что такое? Милиция, что ли? К ним? Зачем? Нет, форма вроде бы была не милицейская, военная какая-то. Может, что-то про Руса? Незваные гости потоптались на крыльце и пошли прочь. Марат не успел окликнуть их, добрался до забора, они уже отошли довольно далеко.

Он вошел в дом, поморгал – после яркого солнца на улице в полумраке комнаты почти ничего не было видно. В прихожей на табуретке сидела баба Дина, уставившись невидящим взглядом куда-то в угол.

– Привет! – поздоровался Марат. – Заводи пироги, бабуль, я сессию закрыл.

Бабка издала какой-то невнятный звук, не то всхлип, не то стон, и сунула ему в руку тонкий отпечатанный на машинке листок. Перед глазами все еще плясали синеватые солнечные пятна, и Марат, не глядя в бумажку, переспросил:

– Это что еще за послание? Папаша, что ли, очередной раз откинулся? Домой спешит.

– Руслан... – еле слышно прошелестела старуха.

– Чего?

Кажется, он понял, что произошло, еще раньше, чем бабка начала говорить. Ноги стали тяжелыми, приросли к полу. И горло как будто сжала невидимая стальная рука. Он открыл рот, стараясь глотнуть хоть немного воздуха, избавиться от этого вдруг накатившего удушья.

– Руслан, мальчик ты мой, внучок родной, – исступленно зашептала старуха. – Нет тебя больше. Убили! Убили, проклятые! Принесли вот похоронку, ироды!

Она вдруг поднялась на ноги и, уперев в живот Марата сморщенный короткий палец, еле слышно заговорила:

– Я говорила, я всем вам говорила. Я так и знала, что его убьют, что не вернется он больше. Так нет же, бабка Дина – дура, глупая старуха. Вы-то все молодые, умные, лучше всех все знаете. Ну так вот вам теперь! Довольны? Вернется твой братик домой! В цинковом гробу вернется!

Она вдруг закашлялась, подавилась рыданиями и осела на пол, трясясь и завывая.

Марат почувствовал, как в голове загудело, загрохотало в висках лишившееся кислорода сердце. Еще почти ничего не понимая, не чувствуя, лишь отчаянно желая вздохнуть свободно, он рванул на груди свитер, выскочил за дверь и остановился посреди залитого осле-

пительным солнцем заснеженного двора. Хотелось броситься куда-нибудь, бежать сломя голову, пытаться что-то спасти, догнать кого-то. Кого?

Он опустил на землю, сгреб рукой горсть снега и принялся заталкивать его в рот, жевать, жрать, не чувствуя ни холода в онемевших деснах, ни вкуса талой воды на языке.

Похороны были торжественными. Гроб установили на главной площади города, прямо под не разобранный еще новогодней елкой. Поблекшие гирлянды хлопали на ветру разорванными бумажными краями. И сыпалась вниз высохшая хвоя. Горожане стояли чуть поодаль. Марат видел лица, плачущие, хмурые и просто любопытствующие.

Глава города сам лично произносил речь над гробом. Плохо настроенный микрофон хрипел и плевался словами:

– Пал как герой при штурме Грозного... Россия не забудет его подвиг... виновные будут наказаны...

Взревел оркестр, задрезжали тарелки. Лепестки гвоздик, красные, как кровь на снегу. Баба Дина, совсем маленькая, закутанная в черное, тихонько раскачивалась из стороны в сторону.

Марат не помнил, как ушел с похорон. Кажется, друзья затащили его куда-то в подъезд. Леха сунул в руки пластиковый стаканчик:

– На! Выпей!

Он глотнул водки, но вкуса снова не почувствовал, только чуть слабее стали колени.

– Вот же сволочи, – тихо произнесла Рита. – Кому нужна эта бойня? В солдатиков играют, ублюдки...

Подскочил Аниська, уже бухой, плохо ворочающий языком:

– Марат, слышь, мы типа это... вместе с тобой... Выражаем эти, как их...

– Соболезнования! – важно вставил Банан.

Леха склонился к нему, прогудел своим тягучим смешным голосом:

– Слушай, ты это... Если водяры еще надо взять, ты только скажи.

От него омерзительно несло сивухой, и Марат оттолкнул его так резко, что Леха отлетел к противоположной стене подъезда.

– Вы все... – прохрипел Марат. – Это вам что, повод нажраться, что ли? Чего вы вьетесь вокруг меня, уроды? Вам же всем насрать, я что, не понимаю?

Рита шагнула к нему, тронула за плечо:

– Марат, не надо так! Мы...

– А ты? – взревел он. – Тебе тоже наплевать, да? Он же... Он привет тебе просил передать. Тогда, в последний раз. Он же любил тебя, ты это понимаешь? Жениться на тебе хотел, когда вернется...

Он с мстительным удовольствием заметил, как дернулось ее лицо, задрожали ресницы.

– Я ничего об этом не знала, честное слово, – сказала она. – Марат, мне правда очень жаль, что твоего брата больше нет. Он был... очень хорошим. Но мы с ним правда никогда...

– Да пошла ты! – выкрикнул он и скатился вниз по лестнице.

Зимняя ночь редела в голове. Хруст снега под ногами отдавался в висках. Он пил водку как воду, примерзая обветренными губами к стеклянному горлышку бутылки. Откуда она взялась, эта бутылка? Кажется, он украл ее в привокзальном киоске. Или это предыдущую? Джинсы вымокли на коленях – он падал в снег, потом поднимался и брел куда-то. Как будто ему было куда пойти.

Он вспоминал, как чинили с Русланом крышу этим летом. Стояла жара, Рус был весь черный от солнца. Он смеялся и говорил:

– Хорошо припекает. Люблю, когда так. До самых костей.

А теперь его закопали в этот снег. Ему же холодно там. Он ненавидит снег, ненавидит зиму.

А однажды он пропорол ногу на рыбалке. Ему было тогда семь, Русу десять. И брат тащил его на закорках до самого дома, ругался весело:

– Вот же повезло мне такого олуха в братьях иметь. На хрен тебя в воду понесло в этом месте, там же арматуры до хрена. Вот ща как вкатят в больничке укол от столбняка, будешь знать.

«Он тащил меня на себе, вытаскивал отовсюду, защищал. А я... Я хотел, чтобы он умер. Я мечтал, чтобы что-нибудь случилось, и я мог быть с Ритой. Мразь! Загадал под куранты. Ехать с ней в поезде! И чтобы Рус не мешал. Это я... я виноват в том, что он погиб. Я!»

Под ногами задрезжал железнодорожный мост, ботинки скользили на обмерзших ступеньках. Как он тут оказался? Марат добрался до середины моста, привалился к перилам, посмотрел вниз. Там, далеко, сплетались в черноте железные рельсы, мигал зеленым глазом семафор. Гудел, приближаясь, поезд. Он уже ощущал запах вагонной смазки, чувствовал в дрожащих под ладонями поручнях стук колес. И эта иссеченная огнями чернота поманила вниз, позвала к себе. Ласково, с какой-то щемящей жалостью. Вдруг показалось, перегнешься через перила, нырнешь в пустоту – и все закончится. И эта боль, и тяжесть, и ненависть к самому себе, и выжигающее душу чувство стыда.

Марат, не вполне соображая, что делает, перевалился через ограждение, почувствовал, как врезались в живот железные перила. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота. Еще чуть-чуть – и он рухнет вниз, прямо под колеса надвигавшегося поезда. В лицо ударил горячий поток воздуха от надвигавшейся железной махины. Марат зажмурился и подался вперед.

Какая-то невидимая сила схватила его за шиворот, рванула назад. Он отлетел в сторону, внизу загрохотал поезд, пролетая под мостом. Марат потерял равновесие и опрокинулся на кого-то, невидимого в темноте, на того, кто оттащил его от перил. Еще не вполне соображая, что произошло, он отшатнулся, пытаясь разглядеть, кто это.

Рита... Как она? Откуда?

Она вцепилась в его плечи изо всех сил и прошипела придушенно:

– Не смей! Даже не думай!

Он рванулся из ее рук, пытаясь выбраться, метнуться обратно к перилам. Он не хотел, не мог жить дальше после того, как Руслан... Он изо всех сил отталкивал Риту, пытался разжать вцепившиеся в него пальцы. Но она цеплялась за него, висла всем телом – откуда только в ней, такой тоненькой, взялась эта сумасшедшая сила? – тащила на себя, придавливала к земле, не давая сдвинуться с места.

И он вдруг заорал, истошно, давясь криком, завыл, как раненое животное. И тут же почувствовал, как теплые руки дотрагиваются до его лица, как горячее дыхание обжигает щеки.

– Ну-ну, тихо, – шептала она, обнимая его. – Я здесь, здесь. Все хорошо.

Он вдруг ощутил, что обессилел – задрожали, подгибаясь, колени, налились тяжестью плечи. Теперь, даже если она отпустит его, он не сможет... И тогда он затих, уткнулся лицом в ее холодную, пахнущую снегом куртку. И заплакал.

5

У Марата скулы такие острые, что, кажется, даже дотрагиваться до них должно быть больно. И твердый решительный подбородок. Отросшие светлые волосы мягкими волнами

щекочут шею. Весь он похож на древнего языческого воина, степного кочевника, яростного и беспощадного. И тем удивительнее то, какой он на самом деле добрый, как вечно возится с каким-то зверьем – кошками, собаками, крольчатами, птенцами.

У Марата глаза больные, измученные, как будто припорошенные дорожной пылью. Рите хочется промыть их теплой водой, чтобы они снова стали чистыми и радостными, засветились. Прикоснуться пальцами к вискам, снимая поселившуюся в голове боль. Хочется обнять его и сидеть рядом тихо-тихо, просто быть рядом, просто быть.

Но Марат не смотрит на нее, отводит взгляд, отшатывается в сторону при ее приближении. С той самой ночи в январе они не сказали друг другу и двух слов. А значит – ничего не выйдет. Ну и ладно. И пусть так. Не в ее характере предаваться бессмысленным мечтаниям. Ей уже шестнадцать, осталось всего год протянуть здесь. Она уже подготовила работу на творческий конкурс во ВГИК, на сценарное отделение. Специально ходила к соседке на машинке перепечатывать свои тексты. Отправит заказным письмом, кто знает, вдруг ответ придет положительный. И тогда она уедет. А даже если работу и не примут, все равно уедет. К черту! И со всем здешним будет покончено.

Снег уже растаял, зима закончилась, наступил серый насморочный апрель. Где-то там, в горах, шла война, но слышали они о ней только по телевизору. Все было как всегда. И над могилой Руслана уже установили металлическую витую ограду.

Их компания собралась, как обычно, на косогоре, за железнодорожными путями. Жгли костер, раскапывали в золе печеную картошку, обжигая руки. Весенний ветер, еще холодный, но пахнущий уже не по-зимнему – талой водой, отогревающейся землей, – оглаживал разгоряченные лбы. Ритины волосы отросли за зиму почти до плеч, и теперь взметались на ветру, она, ругаясь, ловила их, пытаясь скрутить в узел на затылке.

Марат сидел чуть в стороне, отхлебывал пиво из бутылки.

Леха расстроено гудел:

– Меня выпрут из учаги, сто пудов выпрут. Этот ублюдок Гордеев мне зачет так и не поставил. Уже летняя сессия скоро, а у меня зимняя так и не закрыта. Пипец!

– Ну и забей! – посоветовал Аниська. – Че толку от твоей учаги? Если б еще ты там рецепты на транки спереть мог, я понимаю. А так – только штаны просиживать.

– Угу, забей, – прогнусил Леха. – В военкомате, наверно, на меня уже повестку кропают. Мне же восемнадцать в феврале исполнилось.

– Ну откоси, ты ж доктор, – предложил Аниська. – Изобрази там какую-нибудь... как там ее?... эпилепсию!

– Ага, шас, – скривился Леха. – В комиссии-то тоже не идиоты сидят.

– Ну, хочешь, мы тебе руку сломаем? – с готовностью предложил Аниська. – А че, я могу!

– Да пошел ты! – отмахнулся Леха.

Банан вытер рукавом куртки испачканные в золе губы и произнес:

– А кстати, где достать рецепты на колеса, я знаю.

Все тут же обернулись к нему. Леха хохотнул:

– Да ты че, Банан, а мы-то думали, у тебя башка – чтоб шапку носить. Ну давай, поразил нас!

– А че, сразу поразил, – пробасил Банан. – В Риткином подъезде же эта бабка живет, ну как там ее, мозгоправша, короче. Марго, ну ты знаешь, про кого я, ну?

Рита, сидевшая на бревне, подтянула колени ближе к подбородку, склонила голову к плечу.

– Ну, допустим. И что?

– Ну и то, – лениво протянул Банан. – Там третий этаж, влезть – раз плюнуть. Бланки возьмем – и выпишем себе, что захотим. Транквилизаторы если под пиво – полный улет! Заточать можно хоть на все лето!

– А че, нормально! – радостно отозвался Аниська.

– Ну, Банан, ты даешь! – подхватил Леха, уже забыв о своих учебных неприятностях. – Главное, молчал-молчал... Он по ходу по одной идее в десятилетку генерить может. Зато – гениальной!

Аниська подсел к Рите:

– Слушай, ты ж у нее была, у Розенфельдихи этой, наверняка знаешь, где че лежит. А влезть там можно по балконам. И окно открыть через форточку. Ну, помнишь, ты так уже делала, когда...

Рита резко сбросила его выпачканную золой ладонь с плеча и процедила сквозь зубы:

– Нет!

– Че – нет? – не понял Аниська.

– Нет, значит, нет. К Розенфельдихе никто не полезет.

Она поднялась на ноги и, прищурившись, оглядела всю компанию. Аниська изумленно пялил на нее глаза, Леха глумливо ухмылялся. Банан поднялся на ноги и пошел к ней, нагло, не спеша.

– А че это – не полезет? – медленно спросил он и сплюнул под ноги.

– Не, в натуре, ты объясни, Марго? – поддержал Аниська.

Объяснить... Что им объяснять, что старуха Розенфельд, может, единственный человек во всем городке, кто удерживает ее мать более или менее на краю реальности? Что она возится с ней вот уже пять лет, ни копейки за это не получая, ставит уколы, советует лекарства – потому что участковая психиатрия способна лишь загонять мать в состояние зомби, все увеличивая дозу транквилизаторов? Или – что старуха с вечной «беломориной» в зубах просто нравится Рите?

Она не обольщалась на собственный счет – да, возможно, она не самый лучший человек на свете, далеко не самый честный, не самый праведный. Но что такое благодарность – она знает. И обчищать старую женщину, много лет помогавшую ее семье, она никому не позволит. И в квартиру к ней не полезет ни за что, даже если там золотые слитки под кроватью хранятся.

– Потому что я так сказала, – жестко бросила она. – Это плохая идея. Подумай еще лет десять, Банан!

– Да ты че, Марго, это ж... Ты прикинь, как улететь можно будет, – затрещал Аниська. – Там же не только бланки, у нее небось и в аптечке че интересное есть. Че ты, как эта? Марат, скажи ей!

Он обернулся к Марату. Тот, все так же не глядя в сторону, пожал плечами:

– А мне наплевать. Хотите – полезем, хотите – прям щас разойдемся. Мне все равно.

Леха растянул губы в гадкой улыбочке и протянул своим густым голосом:

– А может, ты стараешься, а? Че, Марго, очко жим-жим, не?

– Базар фильтруй! – презрительно выплюнула она.

Но щеки уже начали теплеть – ее обвинили в трусости? И кто? Эти придурки, которые вечно во всех переделках за ее спиной прятались? И Марат... Марат все слышал...

– Да сто пудов, боится она, – пробубнил Банан. – Старуха-то в ее подъезде живет, вдруг мусора прямо к ней домой и явятся. Стра-а-ашно, да, Марго?

– Ага, ты ж у нас теперь отличница, а? – паясничал Аниська. – Костыль говорил, ты там, в вечерке, прям ботаншей заделалась.

– Заткнись! – яростно процедила сквозь зубы Рита.

Злость вскипала в ней, распирала изнутри грудную клетку. Вот ублюдки! Ну она им докажет! Всем докажет!

– К старухе никто не полезет, потому что смысла нет, – прищунив сверкающие от ярости глаза, объяснила она. – Ну, один раз, допустим, тебя, Аниська, в аптеке с этим рецептом обслужат. Ну, может, два раза. А на третий – примелькаешься, и тебя там уже наряд поджидать будет. Городок у нас маленький, все на виду. Нет, если вам так приспичило транков нажраться, надо сделать по-другому.

– А как? – тупо спросил Банан.

Леха продолжал по инерции ухмыляться, глядя на нее, но в глазах у него уже вспыхнул интерес.

– Как? А склады за сортировочной станцией знаете? Ну, куда товарняки подходят? Там есть один ангар, серый такой, за железным забором. К нему каждую неделю аптечная буханка приезжает, у нее еще «медслужба» на бочине написано. Видали?

– Нууу? – все так же тупо протянул Банан.

– Че – ну? Как думаешь, зачем она туда ездит?

– Там склад аптечный, так? – Леха наконец стер с лица свою дурацкую ухмылочку.

– Именно! – подтвердила Маргарита. – Туда всю фармацевтику, которая в город прибывает, сгружают. Там все, что хочешь, есть, хоть йод с зеленкой, хоть еще чего поинтереснее. И никакие бланки не нужны. Только залезть – и взять.

– Ну, и кто туда полезет? – с сомнением в голосе спросил Аниська. – Там же забор, закрыто все.

– Я, – коротко ответила Рита.

Серый забор из тонких металлических листов был куда выше ее роста. Перебраться через него не было никакой возможности – это Рита поняла еще неделю назад, когда впервые отправилась к железнодорожным складам «на разведку». Впрочем, карабкаться на него она и не собиралась – куда интереснее было решить эту задачу головой.

Аниська по Ритиному приказанию целых три дня ошивавшийся вокруг сортировочной станции, сообщил, что ворота запираются кодовым замком. Дважды в день, утром и вечером, территорию обходит сторож – он отпирает замок, заходит за забор, что-то делает там около пятнадцати минут, затем выходит. Аптечная буханка же приезжает на склад раз в неделю, по понедельникам. То есть в принципе большую часть суток на фармацевтическом складе никого нет, и можно спокойно забраться туда и вынести что душе угодно.

– А как ты замок-то вскроешь, а? – спросил Банан, щуря на Риту осовелые глаза.

– Банан, попробуй иногда включать мозги. Это не больно, честно, – посоветовала она.

– Она сторожа соблазнит, сто пудов, – гыгыкал Леха. – И он ей сам все вынесет.

Марат в обсуждении предстоящей операции не участвовал, отходил в сторону, подчеркивая свою незаинтересованность в этом деле.

В назначенный день Рита объявила друзьям, чтобы они ждали ее на обычном месте, за железнодорожными путями – на склад она полезет одна.

– А че, помочь тебе не надо, что ли? – оторопел Аниська.

– Вы мне помогли уже со школьным журналом, спасибо, – отрезала Рита. – С такими помощниками чихнуть не успеешь – в КПЗ окажешься.

И теперь она, стараясь ступать легко и бесшумно, шла вдоль забора. Ее обостренный опасностью мозг отмечал какие-то мелочи: кривые надписи на заборе: «Рэп – отстой», «Гальперин – сука рваная», впереди, под облезлой елкой, валяется резиновый сапог, под ногами, сквозь прелую прошлогоднюю листву, пробиваются солнечные островки мать-и-мачехи. В сырой земле глубоко отпечатался чей-то каблук – в ямке плескалась вода, отражая

клочок бледного неба. Рита двигалась плавно и ловко, по спине, вдоль хребта, бежали приятные мурашки.

Колеса ее ничуть не интересовали. Закинуться таблетками с пивом и пускать слюни в отключке – развлечение для дебилов. При желании она могла бы себе это и дома устроить – материнского «золотого запаса» успокоительных хватило бы, чтоб удолбаться в дрова. Только вот ей это все совершенно неинтересно, и непонятно, зачем искусственно отключать мозги, когда у большинства людей их и так природой не предусмотрено? Надо быть полным идиотом, чтобы так тупо сливать свое природное преимущество.

Зачем же тогда она ввязалась в эту историю? Из альтруистических соображений – добыть друзьям так горячо ими желаемую дрянь? Чушь! Их благодарность ее нисколько не интересовала.

Тогда, может, поправить свою пошатнувшуюся репутацию самой лихой и отчаянной девчонки в городке? Тоже неправда. Она могла бы попросту двинуть Аниське в зубы, чтобы он и думать не смел больше обвинять ее в трусости.

«Кого ты обманываешь? – усмехнувшись, сказала Рита себе. – Тебе же просто нравится вот это все – риск, опасность, приключения, адреналин. Разгадать загадку, разработать план, взлезть в самое пекло – и выбраться невредимой. Ты только тогда и чувствуешь себя живой».

Она добралась до ворот забора и остановилась перед ними, вглядываясь в кодовый замок. Коротко оглянулась по сторонам – никого, все тихо, только верещит на верхушке елки какая-то взбесившаяся весенняя птица. Солнце выглянуло из-за облака и сверкнуло на металлической поверхности замка. Рита склонилась над ним, закусив нижнюю губу от напряжения.

Прямоугольная металлическая пластина, потертая, исцарапанная, десять круглых кнопок с цифрами. Замок простой, она такие видела не раз. Код тут из трех цифр, сразу понятно. Она придвинулась ближе, почти уткнулась носом в замысловатую железку.

«Сторож открывает замок дважды в день. Значит, кнопки, на которые так часто нажимают, должны быть более стертymi, чем остальные. Так и есть! Двойка, пятерка и девятка. Вот только в каком порядке их нажимать? На девятке виден жирный след от пальца. Значит, ее нажимали первой, совсем недавно. Остальных кнопок касался уже сухой палец, поэтому следа на них нет. Двойка или пятерка? Двойка или пятерка? Ладно, рискнем!»

Она коротко перевела дыхание и набрала пальцем код – девять, два, пять. Замок сухо щелкнул, и створка ворот подалась вперед. Рита ощутила холодок, пробежавший по взмокшей от пота спине.

Отлично! Вперед!

Снова оглянувшись по сторонам, она тихо проскользнула в ворота. Защелкивать замок не стала – хрен его знает, как он открывается изнутри? – просто прикрыла дверь за собой. Огляделась.

Узкий двор, под ногами – глубокая колея от колес буханки. Впереди – металлический амбар, на дверях тоже замок, но уже обычный, всякий – с таким она легко справится. Можно попытаться просто разжать дужку или вскрыть замок плоскогубцами – это легко. Рита продолжала осматриваться, приближаясь к амбару. И, только подойдя почти вплотную к двери, увидела сбоку от строения какой-то грубо сколоченный деревянный ящик с отверстием. Будка, что ли?

Мать твою! Будка!

Она попыталась отступить обратно к воротам, но было поздно. Из будки показалась морда овчарки. Здоровенная зверюга увидела Риту и оскалила желтоватые клыки, грозно зарычала. Рита попятилась, не в силах оторвать взгляд от устрашающей собачьей пасти. Нога нетвердо ступила на какую-то кочку, Рита пошатнулась, теряя равновесие. И в этот момент собака прыгнула, гигантским рывком преодолела разделяющее их расстояние. В нос ударил

резкий запах хищника, запах собачьей шерсти. Рита вскрикнула и зажмурилась, ожидая, что сейчас ее полоснет боль – острые клыки сомкнутся прямо на ее шее.

– Стоять! – неожиданно прозвучал слева знакомый голос.

Требовательный, властный, но негромкий.

И – ничего не произошло. Рита, несмело открыв глаза, увидела, что собака, присев на задние лапы и все еще порывая, напряженно смотрит куда-то в сторону, прижимает уши. А там, куда она смотрела, там был Марат. Присев на корточки, он твердо смотрел прямо на собаку, и было в его глазах что-то такое, что натасканная на людей зверина отчего-то его слушалась.

– Вот так, – негромко сказал он, продолжая гипнотизировать пса глазами. – Вот так. Хорошая девочка.

Медленно, не делая резких движений, он привстал на ноги и двинулся к собаке, прикоснулся недрогнувшей ладонью к ее морде. «Укусит!» – в ужасе подумала Рита. Но собака не укусила, наоборот, прекратив рычать, потерлась о крупную ладонь Марата.

– Молодец! – похвалил он. – Ты молодец! Я с тобой. А теперь дай нам выйти.

Не отводя взгляда от глаз собаки, он негромко сказал Рите:

– Выходи! Осторожно, только не беги!

И она послушалась, поднялась с земли и двинулась прочь на нетвердых ногах. Краем уха слышала, как Марат еще немного поговорил с собакой, властно и успокаивающе, а потом зашагал за ней.

Створка ворот скрежетнула за ними и затворилась с сухим щелчком. Рита сделала несколько нетвердых шагов, чувствуя, как ослабели колени. Прерывистое дыхание со свистом вырывалось из ее пересохших губ. Марат остановился напротив, стоял, широко расставив ноги, глядя в землю. Она хотела сказать что-то – может быть, поблагодарить за помощь или спросить, как он здесь оказался. Он же вдруг откинул голову, быстро взглянул на нее – в светлых глазах яростно дрожали зрачки – и, вскинув руку, коротко хлестнул Риту по щеке раскрытой ладонью.

– Дура! – выплюнул он сквозь зубы.

Она задохнулась от удара, не успела даже ничего сообразить – инстинкт сработал быстрее, и, размахнувшись от плеча, засветила ему кулаком – как когда-то тысячу лет назад, во время их детских побоищ. Удар пришелся по носу, и Рита увидела струйку крови, побежавшую по лицу Марата, вниз, к губам. Лицо его искривилось, на щеках заиграли желваки, он бросился на нее, схватил за плечи, смял, тяжело дыша, – казалось, сейчас он просто повалит ее на землю и разорвет на куски. Она сама была слишком зла, чтобы испугаться его силы, отчаянно вырывалась из крепкого захвата, толкалась локтями, коленями – он держал ее слишком крепко, и ей не удавалось ударить его как следует. Рита откинула голову, чтобы наподдать ему лбом в зубы – и тогда он вдруг поцеловал ее.

Его губы, обветренные, грубые, прижались к ее рту, и Рита почувствовала солоноватый привкус его крови. В голове зашумело, горячая волна прокатилась по ее телу, до самых кончиков пальцев на ногах. Она вдруг ослабела, обмякла в его руках, изо всех сил вцепившись пальцами в его куртку, но теперь уже не в пылу борьбы, а только лишь для того, чтобы удержаться на ногах, не рухнуть вниз.

Он долго не отрывался от ее губ, терзал их, мучил, как будто хотел выпить ее всю, до донышка. И она уже не понимала, чего теперь больше в его глазах – гнева, злости или мучительной нежности, страха за нее и за самого себя. Он разорвал поцелуй, только когда начал задыхаться. Жадно глотнул воздуха, и губы его сразу скользнули выше, по ее щеке, к виску, к нежной коже чуть ниже уха. Рита, запустив пальцы в его волосы, вдыхала его запах – свежей мальчишеской кожи, весеннего солнца и ветра. Его подбородок проехался по ее

щеке, слегка кольнув щетиной – еще мягкой, он ведь только недавно начал бриться, и Рита смогла наконец прикоснуться кончиками пальцев к этим острым скулам.

Марат вдруг разжал руки – только лишь для того, чтобы обхватить сильными пальцами ее запястье, а затем грубо дернул ее за собой:

– Пошли!

И она последовала за ним, не спрашивая, куда он ее тащит, впервые в жизни слепо доверяясь кому-то.

Они ввалились в какую-то конуру – крохотный белый обшарпанный домишко с застекленной до середины передней стеной.

– Что это? – хрипло спросила Рита.

– Мм? А, будка стрелочника... заброшенная... – голос Марата срывался, он взял в ладони ее лицо, и Рита заметила, как дрожат его руки. – Тут раньше... переезд был...

Голова у нее кружилась, ноги отказывались слушаться. Марат наклонился к ней, губы, такие горячие, прижались к виску. Она вцепилась в его плечи изо всех сил, чувствуя на губах грубые шерстинки от его свитера. Тяжело дыша, он проскользнул ладонью под ее толстовку – пальцы проехали по животу, задели пупок, потом поползли выше – и Марат дернулся, ощутив под ладонью нежную теплую кожу.

– Ты что... у тебя там... ты не носишь этот, как его...

И Рита тихо засмеялась, удивившись самой себе – оказывается, она еще могла смеяться.

– Неа.

Она вдруг отстранилась, взглянула Марату прямо в глаза и решительно стянула через голову толстовку. Это было в первый раз в ее жизни – мужчина видел ее обнаженной. Она и не знала, как это волнует – смотреть, как у него темнеют зрачки, как приоткрываются жадно губы, как он теряет голову, не в силах ей противостоять. Ощутить свою власть над ним.

Марат... Самый лучший, самый надежный друг. Мальчишка с обветренными руками, неизменный участник всех ее детских афер и приключений. Языческий бог-воин с опасными, чуть-чуть раскосыми глазами. Парень, о котором она так давно мечтала, но никогда бы не позволила себе сделать первый шаг.

Он тоже стянул свитер и подошел к Рите, прижавшись вплотную. Теперь они могли чувствовать друг друга всей кожей, каждой клеточкой. Она ощущала, как под ее ладонями напрягались его гладкие мускулы. Кожа его была на вкус как теплый мед.

Он подхватил ее сильной рукой под колени, поднял на руки и, глухо простонав, осторожно опустил на стоявшую у стены старую продавленную кушетку. И Рита обвила его руками за шею, притягивая к себе, заставляя навалиться на нее всем телом – мой, только мой, никуда не отпущу!

Потом они лежали рядом, тесно прижавшись друг к другу, глядя в серый облупившийся потолок. Марат, перегнувшись через Риту, достал из куртки сигареты, закурил. Рита притронулась к его руке, и он, догадавшись без слов, приложил сигарету к ее губам, дал затянуться, потом затянулся сам. На фильтре остался вкус его губ – теперь уже такой знакомый, свой.

– Как ты там оказался? – помолчав, спросила Рита. – Я не видела, чтобы ты за мной шел.

– В последний момент успел, – объяснил он.

– Почему? – Она приподнялась на локте, пылливо вглядываясь в его лицо.

Марат отвел глаза и буркнул сдержанно:

– Страшно стало!

И Рита снова тихо засмеялась, чувствуя, как пузырьками шампанского вскипает в крови счастье.

– А теперь? – она лукаво склонила голову к плечу. – Теперь не страшно?

Он поднял на нее потемневшие глаза, с трудом перевел дыхание и признался:

– Теперь еще страшнее.

6

Он просто с ума сходил от всего этого. От того, как постоянно метался между небывалым опьяняющим счастьем и глухим отчаянием, выжигавшим душу чувством вины. Он не должен был прикасаться к ней, не имел права, он обещал брату... А теперь брат погиб, а он занял его место, присвоил себе то, что никогда ему не принадлежало. Нужно было покончить с этим, раз и навсегда. Но как он мог это сделать, если, едва приблизившись к Рите, терял контроль над собой? В горле пересыхало – ему приходилось нервно сглатывать, чтобы произнести хоть слово, сердце начинало колотиться, как сумасшедшее, все тело словно пронизывало электрическими разрядами. Он не мог с собой справиться, просто не мог...

Она сидела на ступенях летней эстрады в парке. Давно не крашенные доски рассохлись, между ними колосились высокие травинки, щекоча ее под коленками. Он расположился рядом, чуть ниже, и глаз не мог оторвать от ее тонких загорелых ног, едва прикрытых сверху подолом выгоревшего летнего сарафана, от маленьких изящных ступней, перечеркнутых ремешками сандалий.

Рита раскрыла на коленях общую тетрадь с надписью на обложке «История России, 9 “Б”», посмотрела на него, нахмурившись:

– Только рискни заржать, я тебя прибью, понял?

– А плакать можно? – невинно уточнил он, прикусывая губы, чтобы не рассмеяться.

– Нет! – сурово заявила она. – Ничего нельзя. Лучше вообще не отвечивай, а то читать не буду. Ладно, в общем, слушай: «Он спустился на заплеванной вокзальный перрон, подошел к лотку с мороженым. За лотком дремала пышногрудая продавщица. Он спросил...» Так, это фигня какая-то, я потом перепишу. Ну, в общем, представь, что он ее спрашивает, когда отходит первый поезд на Москву, а она...

Марат украдкой сорвал травинку и принялся щекотать кончиком ее торчавшие из сандалий пальцы.

– Ах ты! – Она в возмущении вскочила и треснула его тетрадь по голове. – Короче, все, не буду я ничего тебе читать.

– Ну все-все, я больше не буду, – со смехом оправдывался он. – Я слушаю. Все. Я очень серьезен. Вот посмотри! – Подбородок его напрягся, губы сурово сжались, лишь уголки их все еще дрожали в озорной усмешке.

– Да иди ты! – Рита попыталась пройти мимо него по ступенькам. – Все, я уйду, отстань от меня!

– Это что еще за бунт на корабле?

Он тоже вскочил на ноги, обхватил ее руками за талию, перекинул через плечо. Она хохотала и молотила его кулаками по спине:

– А ну пусти! Пусти меня, слышишь?

Он, удерживая ее сильными руками, бежал по проходу между деревянных скамеек зрительного зала, нелепо подпрыгивая и издавая какой-то дикий воинственный клич. Счастье пульсировало в висках, затопляло жаркой волной грудную клетку. Ему все еще казалось немыслимым, что он может вот так запросто прикоснуться к Рите, подхватить ее на руки, целовать, стаскивать с нее платье.

– Ибрагимов, а ну пусти меня! – не унималась Рита. – Ну все, развод и девичья фамилия, я тебе точно говорю!

И у него в голове зазвучал опять голос брата: «Дембельнись – и женюсь. Ты смотри, чтоб тут пока никто не увивался за моей невестой». Это Руслан должен был носить ее на руках, смеяться от кружащего голову восторга, прикасаться к ее губам. Руслан, а не он. А он просто воспользовался тем, что его больше нет, отобрал девушку у мертвого. Подонок!

Он остановился и мягко опустил Риту на землю. Она, кажется, почувствовала, что с ним что-то не так, прижала ладони к его вискам, заставляя смотреть на нее, прошептала:

– Ну, ты чего? Все хорошо? Да?

– Да. – Он попытался сбросить ее руки, отвернуться, но она иногда умела быть очень сильной, обвиняться вокруг его тела, не выпуская, подавляя его волю.

– А знаешь что, – хрипло шепнула она, улыбаясь. – У нас с тобой имена почти одинаковые: Мар... и Мар... Как думаешь, может, это судьба?

И Марат уже снова целовал ее, хмелея от ее близости, податливости, от пряного запаха ее струящихся между пальцев темных волос. Целовал губы, щеки, виски, шепча:

– Маргарита... Мариша... Мара... Маруся...

– Маруся? – она тихо засмеялась. – Только этого не хватало. Какая из меня Маруся?

И, притянув его еще ближе, жарко прижалась губами к впадине у основания шеи.

То лето вывернуло его наизнанку, довело чуть не до помешательства. Душное, предгрозовое, наполненное самым ярким нереальным счастьем и ощущением грядущей беды, истощенной ненависти к самому себе – за то, что жив, дышит, смеет смеяться и целовать любимую девушку.

Небо потемнело почти внезапно, все вокруг – высокий берег реки, полосу леса на другом берегу, песчаную дорогу, ведущую к шоссе, – заволочило темно-сиреневым зловещим облаком. В ставшем вдруг плотным и влажным воздухе закружилась, оседая на землю, пыль. Низко над землей пролетел стриж, раскинув в стороны полукруглые крылья.

Рита торопливо натянула сарафан, стащила из-под него мокрый купальник, сунула ноги в сандалии:

– Бежим! А то накроет!

И они, схватившись за руки, рванули по дорожке к шоссе, туда, где белела пластиковой крышей автобусная остановка. Они почти летели над землей, хохоча и опасливо оглядываясь на все ниже сползавшую фиолетовую тучу. Первые тяжелые и теплые капли дождя упали в пыль. Из-за поворота шоссе вынырнул длинный пригородный автобус и начал тормозить перед остановкой.

– Эээй! Подождите нас! – заорала Рита и припустила еще быстрее, таща Марата за собой.

Они успели запрыгнуть в закрывающиеся двери в последний момент. Салон был битком набит, какая-то тетка с авоськами зло зыркнула на них:

– Можно не толкаться, молодые люди?

Марат, ступив на верхнюю ступеньку, вдруг увидел в другом конце автобуса остроногого мужика в форменной рубашке, тронул Риту за локоть:

– Там контролер. У тебя билеты есть?

– Ага, как же, – усмехнулась она. – Ладно, ща все будет.

– Даже не думай! – Он свирепо посмотрел на нее. – Слышишь? Пусть лучше высадит.

– Угу, и топать домой под дождем?

Рита выскользнула из его захвата и, выставив одно плечо вперед, принялась протискиваться в толпе, якобы интересуясь висевшей на стене картой города с указанным красной линией автобусным маршрутом.

– Девочка, ну ты куда лезешь-то? – возмутился какой-то дед. – Не видишь, тут люди?
– А я... – Рита растерянно замигала, напустив на лицо самое невинное выражение. –

Мне бы до исполкома доехать. Вы не подскажите...

«Актриса! – с невольным восхищением покачал головой Марат. – И как это у нее так ловко получается?»

– Это тебе у «Родины» выходить, и там на 23-й автобус пересаживаться, – тут же оживился дед.

– Да что вы голову девчонке морочите? – встряла тетка с авоськами. – Пусть едет до рынка, а там пешком два квартала.

– Я, уважаемая, побольше вашего на свете живу... – завелся дед.

Закипела обычная автобусная свара. Про Риту давно все забыли. И только Марат видел, как ее тонкая, почти детская ладошка лишь на одно мгновение прикоснулась к заднему карману джинсов какого-то мужчины, потом скользнула по сумочке дородной тетки с начесом. Еще секунда – и Рита, протолкавшись обратно к нему, сунула ему в ладонь смятый билет. Марат сердито нахмурился, и она, скривив губы, прошипела:

– Слушай, ты достал уже меня, моралист! Откуда ты только взялся, такой непогрешимый?

Непогрешимый... – он сглотнул набежавший в горле комок. Моралист... Всего лишь украл чужую жизнь – и остался чистеньким. Желал смерти родному брату... Хотел занять его место... Чтобы тот просто исчез и не стоял у него на пути...

Нет! Он не хотел! Если бы он только мог пойти туда вместо него...

И что? Пошел бы? Или предпочел бы остаться дома, в безопасности? Обжиматься по углам с Ритой, в то время как родной брат ловит пули... Он совсем извелся за это лето. Тысячу раз принимал решение порвать с Ритой и тысячу раз отказывался от него, как только оказывался с ней рядом. Эта долбаная двойственность измотала его вконец, и однажды, услышав в прихожей Ритин голос (она разговаривала с бабой Диной, спрашивала, дома ли Марат), он попросту сбежал. Позорно удрал через окно, потому что просто не мог больше находиться рядом, млеть от ее близости и одновременно ненавидеть самого себя. И как это исправить, избавиться от медленно выжигающего ему нутро чувства вины, он не знал.

Сбежав из собственного дома, Марат отправился к Лехе. Тот сидел на диване перед телевизором, мрачный какой-то, злой до чертиков. Марат позвал друга пройтись, побродить по лесу – куда угодно, на самом деле, лишь бы подальше от города, где на любом перекрестке можно встретить Маргариту. Леха уныло кивнул, сунул ноги в кроссовки и вышел за Маратом на улицу.

В лесу уже чувствовалась приближающаяся осень. Темные, сплетающиеся над головой ветки дарили тень и прохладу. В проникающих между ними косых солнечных полосах кружились пылинки и посверкивали нити паутины. Кое-где под ногами попадались желтые листья. В оврагах чувствовался запах грибной сырости. Нет, лето было еще в зените, цело всеми своими пышными красками, но в самом воздухе как будто уже дрожало ожидание скорого угасания.

Леха пнул ногой шишку, отшвырнул щелчком бычок и сообщил убитым голосом:

– Все, Маратище, картина Репина «Приплыли». Отчислили меня из уचाги.

– Да ты что? Seriously? – ахнул он. – Че, так и не дождал Гордеева?

– Да хрен его дожмешь, старого говнюка, – сплюнул под ноги Леха. – Уперся как баран. Мать ему уже и конфеты носила, и на лапу пыталась дать. Принципиальный, сука! Ну и все, выперли меня неделю назад. А вчера – прям счастье привалило. Смотри!

Он сунул руку в карман и вытащил тонкий, отпечатанный на пишущей машинке листок.

– Это что? – спросил Марат, пытаясь разглядеть в лесном сумраке нечеткие слепые буквы. Бумага в Лехиной руке прыгала.

– Че-че? Повестка! Из военкомата! – заорал Леха. – Когда только успели? Оперативно работают, ублюдки! План там у них по призывникам, наверно, горит. Конечно, кому охота служить, когда война идет? Все бегают, прячутся, а я, как debil, главное, сам дверь открыл. Нет бы в сортире спрятаться, может, мамка бы им наплела чего, типа, что я дома не живу. Хрена лысого! Сам вышел, прям в трусах, а они мне сразу – получите, распишитесь.

– И че теперь делать будешь? – спросил Марат.

– А че делать? Теперь все, считай, забрили. Видишь? «Явиться третьего сентября». Последние недели гуляю. – Леха с силой врезал кулаком по стволу березы. – Мать плачет, Катька плачет. Я тут, блин, еще со Светкой замутил, ну, с продавщицей из стекляшки. Ну, так она теперь тоже ревет.

Марат слушал его молча. В голове как будто бы что-то выстраивалось. Вдруг показалось – он нашел выход, простой и понятный. И все сразу встало на свои места.

Под ногами вдруг что-то пискнуло.

– погоди! – остановил он Леху. – Помолчи секунду.

– А че такое? – захлопал глазами Леха.

Марат наклонился ниже, вглядываясь в примятую траву. Писк повторился. Кажется, вон там, за кустами. Осторожно ступая, он двинулся туда, присел на корточки. Ну, так и есть. Птенец. Мелкий еще, клюв только темнеть начал. Глаза круглые, одуревшие от страха, перья встрепанные.

– Ты чего там нашел, а? Клад, что ли? – невесело пошутил Леха.

Марат осторожно взял птенца в ладони. Тот запищал истошно, затрепыхался, пытаясь испуганно клюнуть его в палец.

– Ух ты, птица, – гоготнул Леха. – Как это она тебе в руки далась? Больная, что ли?

– Это птенец, он из гнезда выпал. – объяснил Марат. – Теперь взлететь не может – ветки кругом. Это стриж, они с земли взлетать не умеют, только с высоты.

– Ну и че ты с ним делать будешь, доктор Айболит?

– Жалко дурака, пропадет же. Кошки сожрут, – сказал Марат. – Надо на открытое место выйти и вверх его подкинуть – может, полетит.

– А если не полетит? – с интересом спросил Леха.

– Если не полетит, тогда кранты, – скупое бросил Марат. – Идем!

Он быстро пошел вперед, продираясь сквозь густые заросли. Птенец в его руках затих. Только чувствовалось, как отчаянно колотится его крошечное сердце, сотрясая все жалкое птичье тельце. Он был такой маленький, такой теплый в его ладонях. И вдруг показалось – если удастся его спасти, то и то, другое, получится. И все будет правильно.

Они вышли на опушку леса. Впереди раскинулось широкое поле. Колосья золотились под солнцем, и казалось, что это огромное море расплавленного золота стелется до горизонта, ходит на ветру тяжелыми густыми волнами. Кое-где синели звездочки васильков. Чуть поодаль раскинула темные ветки одиноко растущая сосна. На горизонте виднелись островерхие крыши соседней деревни. Блеснул под солнцем купол недавно отремонтированной церковки. Где-то закуковала кукушка.

– Ну че, спросить ее, что ли, сколько мне жить осталось? Или лучше не рисковать? – кисло пошутил Леха.

Марат, не отвечая, прошел на несколько шагов вперед, чувствуя, как расходится вокруг него густая рожь. Стоя почти по пояс в этом золотящемся море, он взглянул на птенца, настороженно косившего на него глупым круглым глазом, подмигнул дурачку, чуть согнул колени и, с силой выкинув руки вперед и вверх, подбросил невесомое тельце. На секунду показалось, ошалевший стриженек сейчас камнем рухнет обратно. Но вот он в последнюю секунду

раскинул крылья, поймал какой-то невидимый, осязаемый только для него поток горячего воздуха – и полетел над полем.

Несколько секунд оба мальчишки стояли, задрав головы, и следили глазами за мелькавшим в синем горячем небе черным силуэтом. А потом перед глазами замелькали солнечные пятна, и птицу стало уже невозможно различить.

– Улетел, – тихо проговорил Марат.

– Угу, – кивнул Леха.

Он помолчал, а потом сказал, задумчиво потирая подбородок:

– Че с проводами-то делать? Катку не позвать нельзя, и Светка же тоже припрется.

Они ж там волосы друг другу повыдергают...

Марат вдруг обернулся к нему и сказал коротко:

– Я тоже с тобой пойду.

– Куда? – заморгал тот.

– В армию. Ща пойдем вместе, заберем мои документы из медухи, а потом – в военкомат. Сам же говоришь – у них план по призывникам горит.

– Ты че? Это ты из-за меня, что ли? – непонимающе переспросил Леха.

– Из-за себя. – Марат через силу улыбнулся. – А че, может, военная карьера – мое призвание.

– Ну ты больной! – с каким-то даже восхищением протянул Леха.

Из военкомата они зашли сначала к Лехе домой. Лешкина мать, тетя Нина, молодящаяся женщина с выбеленными перекисью белыми кудельками вокруг усталого лица, налила им борща. Потом смотрела, как мальчишки жадно едят, и кусала бескровные губы.

– Ну ладно, этот дурак, – кивнула она на сына. – А ты-то, Марат, куда собрался? За компанию с моим олухом, что ли?

– Ну ма-а-ам, – дурашливо протянул Леха. – Ну че ты? Я ж здоровый мужик уже, а ты – олух, дурак...

– Молчи лучше! – прикрикнула тетя Нина. – Здоровый мужик, тоже мне. Давай-давай, дуй в свою армию, если ума не нашёл для учебы. Хоть отдохну от тебя и от девчонок твоих вечных. Каждый день таскаются – тетя Нин, а Леша дома? А мне врать им приходится, что Леша в училище, а не с очередной лахудрой ошивается по кустам. Ходок этакий, весь в папашу!

Леха засмеялся смущенно и в то же время слегка самодовольно.

– Ладно, мам, не заводись. Ты ж помнишь, как я, маленький, говорил? Что всегда буду любить только маму. Ну и вот. Ты – главная женщина моей жизни, а эти все не значат ничего.

– Болтун! – беззлобно отмахнулась тетя Нина, поднялась из-за стола и, проходя мимо, притянула к себе Лешкину голову и быстро поцеловала сына в волосы. А тот ласково потерся о материнскую руку, как большой кот.

Уже когда Марат собрался уходить, тетя Нина догнала его на лестнице и быстро зашептала, оглядываясь на дверь:

– Марат, ты уж за моим оборотом там присмотри, а? Он же только и знает, что зубы скалить и за девками ухлестывать. А ты парень серьезный, основательный. Пригляди, чтоб он не лез, куда не надо, чтоб живой ко мне вернулся, а?

Она просительно заглянула Марату в лицо. Тонкие губы ее сморщились и задрожали. И Марат ответил твердо и уверенно:

– Я присмотрю, тетя Нин, не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Рита несколько раз перечитала повестку, хмурясь и снова, и снова пробегая глазами строки, потом аккуратно свернула листок и спросила шепотом:

– Зачем?

– Ну а что? – изо всех сил пытаюсь поддерживать беспечный тон, откликнулся Марат. – Может, я хочу исполнить свой долг перед Родиной? Может, солдат из меня получится лучше, чем медбрат? Не веришь?

Она с силой ухватила его за плечи, встряхнула, заглянула в глаза, отчаянно, пристально, и снова повторила:

– Зачем?

И Марат, почувствовав вдруг, как неподъемная тяжесть опускается на плечи, тихо бросил, отводя глаза:

– Из-за Руслана. И... из-за тебя.

– Ритуша, это кто там? Марат пришел? – позвала из соседней комнаты Ритина мать.

Рита отпустила его, и он отошел в сторону, присел на край кровати, уронив тяжелые руки между колен. Она высунулась в дверь, крикнула:

– Да, мам, это Марат. Ко мне.

– А-а, ну хорошо, – вяло отозвалась Елена Сергеевна. – Чайку попейте. Там, кажется, были сушки.

Рита прикрыла дверь, подошла к Марату, опустилась на корточки у его ног и обхватила похолодевшими ладонями его запястья.

– Так ты это серьезно тогда говорил? Про меня и Руслана? Это тебя изводит? – она пытливо заглядывала ему в глаза.

И Марат не смог выдержать ее взгляд, заговорил горячо, глядя в пол:

– Я не могу, не могу больше, понимаешь? Я все время думаю, что это он должен был быть с тобой...

– Но я же сказала тебе! – В ее голосе зазвенели слезы, но глаза оставались сухими, упрямыми. – Я клянусь тебе, у меня в жизни никогда ничего не было с Русланом. Я понятия не имела, что у него на меня какие-то планы. Я никогда ему ничего не обещала, я и разговаривала с ним всего пару раз. Я не его вдова, я не хочу ею быть. Это просто нечестно!

– А я не могу отобрать девушку у погибшего, – резко возразил он. – Не могу не думать, что было бы, если бы он выжил.

– Да ничего бы не было! – Она вскочила на ноги. – Может быть, твой брат был лучшим человеком на земле, я не знаю. Но мне нужен ты, а не он. Всегда был нужен только ты!

– Я решил, если я пройду через то же, через что ему пришлось пройти, и выживу – значит, я больше не буду перед ним виноват, – упрямо проговорил Марат. – Буду иметь право на жизнь. И на тебя! – глухо добавил он.

– Идиот! – в отчаянии выкрикнула Рита. – Ты просто идиот, ты знаешь об этом? Если бы у тебя не было выбора, если бы ты должен был уйти на войну, чтобы защитить своих близких... Но это же отвратные политические игры, в которых ни ты, ни я ничего не понимаем. Какие-то ублюдки там наверху подрались из-за бабла, в итоге погиб твой брат и другие ребята, которым до всего этого никакого дела не было. Это бессмыслица, нелепость, несчастный случай, если хочешь. Но почему ты должен туда идти и гибнуть тоже? Ради какой такой идиотской справедливости?

Она отошла в угол комнаты и прижалась лицом к стене. Марат поднялся на ноги, подошел к ней, ощущая, как дрожат руки, придвинулся почти вплотную, уткнулся лицом ей в шею, чувствуя, как щекоют лицо ее гладкие волосы, прошептал, прикрыв глаза:

– Маруся... Я люблю тебя!

Она резко вывернулась в его руках, обожгла горячим взглядом влажных потемневших глаз, стиснула ладонями его лицо и выдохнула в самые его губы:

– А я тебя ненавижу! Ненавижу, ненавижу! Только попробуй не вернуться! Только попробуй! – И начала исступленно целовать его губы, щеки и подбородок.

7

Мелкий скучный дождь сыпал с самого утра, смывая последние островки снега. Небо над городом висело серыми рваными клочьями. По горбатым улочкам бежали, звонко пересмеиваясь между собой, ручьи.

Рита почувствовала, как холодная капля упала на переносицу и медленно поползла вниз. Выругавшись шепотом, она сердито стерла каплю тыльной стороной ладони и, надвинув ниже капюшон куртки, зашагала быстрее. Кой черт надоумил ее неугомонных друзей вытащить ее из дома в такую погоду? Что еще за срочное дело? Ничего, вот только доберется до них, головы им поотрывает. Хорошо еще, что встречаться договорились не на обычном месте – там сейчас, наверно, совсем все развезло, а дома у Банана – у него мать как раз в ночную, а отец в очередном запое, колобродит где-то.

Банан жил довольно далеко от нее – минут двадцать пешком, для их городишки это прямо-таки другое полушарие. Рита, ссутулив плечи под потоками дождя и засунув руки глубоко в карманы куртки, быстро шла вниз по улице. Справа от нее, за невысокой фанерной стенкой, расположились мусорные баки. Рита привычно задержала дыхание, проходя мимо – вонь здесь стояла на весь квартал. Какое-то движение на краю видимости привлекло ее внимание, заставило на секунду обернуться. Оказалось, на крышку бака лихо вспрыгнул здоровенный серый кот. Тощий и облезлый, с разорванным левым ухом, но все с такой же разбойничьей физиономией, не узнать которую она не могла. Курт!

Рита остановилась, уже не обращая внимания на припустивший еще сильнее дождь, прищурилась, глядя в уставившиеся на нее наглые желтые глаза.

– Так вот ты где, скотина! Я, значит, его по всему городу ищу, а он на помойке прохлаждается. А ну иди сюда, чудовище!

Кот настороженно наблюдал за ней, не выражая ни малейшей радости по поводу неожиданной встречи.

– Ты отлыниваешь от своих прямых обязанностей, животное! У бабы Дины в подполе мыши завелись, знаешь? Давай-давай, вылезай, я в помойку не полезу, так и знай! – решительно заявила Рита.

Но Курт и не думал двигаться ей навстречу. Он все так же сидел на крышке мусорного бака, нахально щуря желтые глаза.

– Ну ладно. Держись!

Рита шагнула за ограждение, морщась и стараясь дышать ртом, и протянула к коту озябшие руки. Он лишь чуть повел ушами, позволяя ей дотронуться до его густой, слипшейся от дождя шерсти. Она осторожно погладила его, почесала между ушей, чувствуя, как отчего-то сжимается горло и к глазам подступают слезы.

– Надеюсь, ты никакой лишай не подцепил? – хрипло произнесла она и, не справившись с голосом, прошептала: – Ну здравствуй, бродяга!

Кот лениво потерял о ее руку, прижался ушами и издал какое-то сдавленное глухое мурчание.

– Пойдем со мной, а? – ласково попросила Рита. – Пойдем домой! Ну пожалуйста!

Она чуть наклонилась и попыталась взять кота на руки. Но он, едва почувствовав напряжение в прикасавшихся к нему ладонях, с истошным ревом принялся выдираться. Острые когти располосовали рукав куртки. Курт выгибался в Ритиных руках, рвался на волю. Она держала его из последних сил, прижимала к груди. В конце концов проклятый котяра цапнул ее за руку. Рита вскрикнула от боли и на миг ослабила хватку, и Курт тут же выскользнул из ее ладоней, пружинисто опустился на землю и, издав победный клич, рванул куда-

то между баков. Рита присела на корточки, вглядываясь в завесу дождя, но различить его ей уже не удавалось. Чертова зверюга удрала от нее.

Сбежал. Как и его хозяин.

В последний раз она видела Курта больше полугода назад. Осенью. В ту последнюю ночь.

Она тогда что-то наврала матери, кажется, сказала, что идет ночевать к подружке. Как будто у нее были подруги! Мать, впрочем, ничего не заподозрила, сонно попросила не задерживаться. Рита влезла в комнату Марата через окно – чтобы не задевать моральные устои бабы Дины. Та в этот раз решительно отказалась устраивать проводы, твердила что-то про плохую примету и, по обыкновению, бранилась и всхлипывала. Впрочем, Марат и сам не хотел, чтобы его провожали. К тому же в тот же день в армию уходил и Леха, и решено было, что друзьям хватит накрытых столов у его родителей.

Рита тихо пробралась через двор и подошла к окну. Комната за стеклом светилась оранжеватым светом. Затаив дыхание, она увидела Марата. Он сидел на краю кровати, задумавшись, подперев голову кулаками. Теплый свет лампы скользил по его напряженной шее, по мягким завиткам волос и нахмуренному лбу. И Рита вдруг осознала, что отдала бы что угодно, чтобы он вот так же сидел в этой уютной комнате и завтра, и послезавтра, и во все последующие дни. Пускай даже ей не суждено будет больше никогда увидеть его, прикоснуться к его плечам, запустить пальцы в непослушные завитки волос. Лишь бы знать, что он здесь, у себя дома, что с ним все в порядке и ничего ему не угрожает.

Дурак, господи, какой дурак! Зачем только он устроил им обоим эту муку? Все могло бы быть так хорошо...

Она до крови прикусила костяшки пальцев, чтобы справиться с накатившим вдруг отчаянием. Резкая боль отрезвила ее, вернула ясность мыслей. Рита отдышалась и почти спокойно стукнула в стекло.

Он обернулся на звук, разглядел ее за окном, и лицо его осветилось улыбкой. Кажется, только теперь, приняв это сумасшедшее решение, он смог смотреть на нее прямо, без вымывающей душу тоски в глазах. Он считает, что поступает правильно, что так ему будет лучше. Значит, ей остается только принять его решение и поддержать его. Так она и сделает, черт ее возьми. Будет медленно умирать от боли, но не позволит себе забиться в истерику, валиться ему в ноги, хватать за колени и рыдать, умоляя остаться. Пусть уходит спокойно, не мучается чувством вины хотя бы перед ней. С него и так довольно.

Марат распахнул окно, протянул ей руку, и она ловко вскарабкалась на подоконник и спрыгнула в комнату.

– Я достала! Смотри! – Она помахала зажатой в другой руке картонной коробкой. – Мать Банана мне дала на один вечер – она же в парикмахерской работает.

– А ты сумеешь? – с сомнением спросил Марат.

– А то! Ты даже не представляешь, сколько у меня скрытых талантов, – усмехнулась она. – Снимаю футболку!

Он стащил через голову майку. Рита тем временем расстелила на полу газету и поставила поверх стул. Марат опустился на сиденье, и она судорожно сглотнула, борясь с желанием прижаться всем телом к его широкой, такой надежной и сильной спине. Под тронутой солнцем кожей ходили гладкие мышцы. У основания шеи темнела маленькая родинка.

Усилив воли заставив руки не дрожать, Рита достала из картонной коробки машинку для стрижки волос, воткнула штепсель в розетку и подошла к Марату. Примериваясь, она запустила пальцы в его отросшие выгоревшие на солнце кудри. Мягкие шелковые пряди ласкали кожу, и она сдавленно кашлянула, не находя в себе сил прикоснуться к ним машинкой.

Он обернулся к ней через плечо, глаза его посветлели – сталь и стекло. Тронув ее запястье, он сказал мягко:

– Ничего. Отрастут еще.

И она закусила губу. Отрастут ли? Хватит ли им времени вновь завиться в гладкие волны? Что, если он так и останется лежать где-то на чужой земле с навсегда выбритым затылком?

– Не сомневаюсь! – бодро сказала она и включила машинку.

Тихо застрекотал моторчик, погружаясь в светло-каштановую шапку волос. Ритины руки задвигались быстро и ловко. Мягкие пряди начали падать вниз, скользя по обнаженным плечам Марата.

Через пятнадцать минут все было закончено. Она нагнулась, сдувая последние короткие волоски с его шеи. Марат поднялся на ноги. Лицо его теперь сделалось резче, взрослее. Острее обрисовалась линия скулы, тверже выступил вперед подбородок, открылась благородная линия лба.

Рита провела ладонью по его колночному затылку, сказала сдавленно:

– Ну вот. Теперь настоящий солдат.

Марат обхватил ее руками, прерывисто дыша, прижался губами к шее. Поймал ее ладонь, перецеловал по очереди все пальцы, перевернул, слегка нахмурился, увидев покрасневшие следы на ладони, спросил одними глазами.

– Это ничего, так... – неопределенно ответила она. – Боевые раны.

В их движениях не было суеты, спешки. Они как будто хотели насладиться каждой секундой, каждой клеточкой тела друг друга. Навсегда запечатлеть в памяти каждый миг. Он снова и снова целовал ее, бродя губами по ее шее, ключицам, груди, животу. Рита гладила жадными руками его плечи, спину, твердые мышцы груди, хотела навсегда запомнить его запах, вкус его кожи, острое покалывание прилипших к плечам состриженных волосков на губах.

Он поднял ее на руки, нетвердо шагнул к кровати, мягко опустил ее на расстеленное покрывало. Она потянула его на себя, хрипло вскрикнула. Почувствовала, как на глаза набегает слезы – проклятые, предательские.

«Я не плачу, нет, нет, не плачу. Все хорошо. Не тревожься ни о чем!»

– Я люблю тебя, – прохрипел он.

– Я знаю...

– Со мной все будет хорошо, правда!

– Я... знаю...

Рита проснулась от какого-то шороха. Резко села в постели – господи, неужели она задремала? Марат уже ушел? Она все проспала? Черт! Черт!

Небо за окном начало светлеть, заливая комнату мягкой синевой. Марат одевался, двигаясь осторожно и бесшумно. Рита дернулась, чтобы встать:

– Я с тобой!

Но он мягко остановил ее, присел на край кровати, удерживая.

– Нет, оставайся здесь. Не надо этих дурацких прощаний перед военкоматом. Не хочу! Я и бабу Дину попросил не провожать меня. Хочу вспоминать, как ты лежишь здесь, в моей постели.

– Хорошо, – сдавленно прошептала она. – Как хочешь.

Он натянул через голову футболку, набросил на плечи ветровку, взял заготовленный с вечера рюкзак. Вернулся к постели, присел на корточки и стиснул ее запястья.

– Обещай мне! Ты не будешь ни во что впутываться, пока меня нет. Я хочу быть уверен, что с тобой все в порядке. Обещай!

– Только если ты пообещаешь мне то же самое. – Она с усилием улыбнулась, чувствуя горечь на губах.

Он опустил голову, на мгновение прижался лбом к ее рукам, прошептал:

– Маруся моя...

Она ощущала горячее дыхание, трепет ресниц на своей коже. Потом он пружинисто поднялся на ноги, сказал:

– Ну, все, – и быстро вышел за дверь.

В груди словно что-то взорвалось. Риту как будто парализовало. Несколько секунд она просто сидела в постели, хватая ртом воздух, просто пытаясь дышать сквозь эту раздавившую ее грудь боль. Потом вскочила, на подгибающихся ногах подбежала к окну и успела увидеть только его удаляющуюся спину и бритый затылок. Еще мгновение – и он скрылся за поворотом улицы.

Двигаясь медленно, рассеянно, как сомнамбула, она оделась, собрала свои вещи и тихо выскользнула из комнаты. В доме было полутемно и тихо. Рита двинулась к выходу, в ноги ей метнулся Курт. Она присела на корточки, хотела взять кота на руки. Тот же, издав протестующий вопль, рванулся из ее рук, оставив на запястьях кровавые полосы, вспрыгнул на подоконник и выскочил в форточку.

– Удрал, зараза, – глухо произнес чей-то голос за ее спиной. – За хозяином своим подался.

Рита обернулась и только теперь разглядела сидевшую на табуретке бабу Дину. Старуха сидела очень прямо, стиснув на коленях натруженные руки. Морщинистое лицо ее ничего не выражало, сухие глаза смотрели куда-то поверх Ритиной головы.

– Вот и еще один ушел, – выговорила она. – А, девка? Ушел наш с тобой мальчишка.

И Рита вдруг шагнула к бабке, обхватила ее круглые плечи и впервые за все эти дни заплакала.

С того утра Курт так и не объявлялся. Рита честно облазила все окрестные подвалы и подворотни – проклятый котяра исчез. Иногда ей приходило в голову – может, он и в самом деле каким-то чудом увязался вслед за Маратом? Чушь, конечно, но вдруг?

Как бы там ни было, кот исчез. Марат уехал. А ей нужно было как-то жить. И она жила – заканчивала школу, изо всех сил старалась не ввязываться в авантюры – она ведь обещала Марату, и не хотела думать, что будет дальше.

Где сейчас Марат? Его действительно отправили туда? Жив ли он? Если она будет обо всем этом думать, она сойдет с ума. И Рита усилием воли запретила себе строить предположения и догадки. Теперь ее жизнь – вот такая. И значит, нужно соблюдать новые правила игры. Все.

И вдруг откуда ни возьмись, как из-под земли, выскакивает этот сволочной котище. И тут же снова исчезает. Может, она все-таки тронулась умом и Курт ей привиделся?

Рита осмотрела собственную ладонь. Кот цапнул ее сильно – через край ладони и основание мизинца тянулся глубокий след от зубов. Рана кровоточила и зудяще болела. Выругавшись, Рита подставила руку под струи дождя, стараясь смыть кровь, порылась в карманах, вытащила носовой платок, обмотала им руку и двинулась прочь. В конце концов, нужно же было все-таки узнать, что такое срочное потребовалось от нее друзьям.

– Ну? Что тут у вас за аврал? – спросила Рита, входя в комнату Банана.

Комната была обшарпанная, давно не отремонтированная. Выгоревшие кое-где отставшие от стен обои, облупленный потолок. По подоконнику и остальным поверхностям были разложены какие-то мотоциклетные детали – это Банан и Аниська все еще не теряли надежды собрать из запчастей собственный мотоцикл.

Аниська сидел прямо на стершемся линолеуме. Банан угрюмо бросал об пол маленький резиновый мячик. Рита машинально покосилась на край подоконника, где раньше сидел бы Марат, потом перевела взгляд и требовательно уставилась на друзей.

– Попал я, Марго, – наконец сипло ответил Банан. – Баблосы нужны. Срочняк!

– Мм, какая неожиданность! – съязвила Рита. – Ну давай, колись, че случилось-то?

Оказалось, что Банан по-крупному проигрался в карты и должен был теперь вернуть долг. Кредиторы его были людьми серьезными, взрослые мужики, недавно с зоны.

– Они меня попишут, ты понимаешь? – сипел Банан. – Счетчик включают, а у меня ни рожна нету. Они на ножи меня поставят, сто пудов!

– А хрен ли тебя понесло с ними играть? – наступала на него Рита. – Не, Банан, ну надо же как-то трезво оценивать свои способности. Ты ж в Академию наук работать не идешь, а к этим каталам зачем полез?

– Ну а че теперь говорить-то? – заныл Банан. – Ну да, я ступил. Помоги, а? – он просительно заглянул ей в глаза. – Придумай че-нибудь.

– Я-то тут при чем? – возмутилась Рита. – Ты влетел, а я – придумаю? Я же вам говорила, я не хочу сейчас ни во что влезать, мне аттестат через месяц выдадут.

Она сердито отвернулась.

– Может, продать че-нибудь, а? – вяло предложил Аниська.

– Угу, – отозвалась Рита. – Тебя! На органы.

– Ну все, пипец мне, ребята! – подытожил Банан, отшвырнул мячик в угол и уткнулся лицом в обхватившие согнутые колени руки.

Рита мерила шагами комнату, что-то соображая. Машинально потирала саднившую ладонь.

– У тебя йод есть? – бросила она Банану.

– Не знаю! Может, на кухне...

Черт возьми, она ведь честно пыталась стать законопослушной. Она правда не хотела больше ни во что ввязываться. Всякий раз передряги, в которые она влезала, выходили боком кому-то из ее близких, и она обещала Марату, что завяжет со своими криминальными замашками. Да и влетел Банан по-крупному, и, чтобы вытащить его, придется идти на что-то серьезное. Это не билетик в автобусе вытащить и не школьный журнал спереть. Это взять деньги, чужие деньги, у людей, которые ничего плохого ей не сделали. Это страшно и стыдно. Но что же ей теперь делать? Бросить этого придурка, который сидит тут и размазывает соплю? Он ведь ничего не надумает без ее помощи. Он, может, и не самый лучший ее друг, но она отчего-то чувствует свою ответственность за него. Она должна ему помочь, должна...

Ладно, в последний раз. В последний раз она постарается проверить что-то подобное. Честно, Марат! В последний раз.

– Ладно! – она решительно опустила на край стола. – Слушайте сюда! Зеленая дача! Батон поднял голову, непонимающе моргал глазами. Аниська присвистнул:

– Черт! Ты гений, Марго! А там никого еще нет?

– Да никого там нет, апрель же только! – уверенно заявила она. – Туда раньше конца мая не приезжает никто.

Рядом с их городком находился дачный поселок. В основном его составляли разбитые на шести сотках огороды, деревянные кое-как сколоченные домишки, фанерные сортиры и картофельные заросли. Но был на окраине поселка участок, который в народе назывался «Зеленая дача». За аккуратным, ежегодно тщательно подновляемым забором был разбит красивый сад с сучковатыми яблоневыми деревьями и пышными розовыми кустами. Сквозь ветки проглядывал светло-зеленый двухэтажный домик с террасой и ажурным балкончиком на втором этаже. Поговаривали, что дача эта принадлежит какому-то известному компози-

тору, чуть ли там не народному артисту бывшего СССР. Как бы там ни было, но дача подерживалась в чистоте и порядке. С мая по сентябрь на ней жили хозяева – и тогда из-за забора слышались веселые голоса и звуки рояля. Остальную часть года дача стояла закрытая. Сторож дачного поселка, которому хорошо приплачивали щедрые хозяева, навещался туда пару раз в неделю, проверял, все ли в порядке. К приезду хозяев жена сторожа делала на даче генеральную уборку, протирала стекла, вешала чистые занавески и скатерти. Но это случилось не раньше мая. А сейчас стоял еще апрель.

– Слушай, точняк! – Глаза Аниськи загорелись. – Я там был однажды – мамка пыталась меня на лето к ним пристроить за садом смотреть. Ну так, бабла подбить чуть-чуть. Только они меня не взяли. Но дом-то я нормально видел. Там сто пудов есть че вынести. Техника всякая, картины-шмартины. Банан, твои возьмут, если не деньгами, а товаром долг вернешь?

– А я знаю? – дернул плечами Банан. – Ну а че, выхода-то все равно нет. Буду договариваться, чтоб вещами взяли.

– Ладно! Времени нет, идти надо сегодня ночью. Слушайте внимательно! – объявила Рита. – Банан, тебя особенно касается, напряги мозги – или что там у тебя в голове? Значит, так...

Луна давно зашла. Апрельская ночь была темной. Различить почти ничего было нельзя – фонарей в дачном поселке не было, а снег, ранее дававший хоть какое-то освещение, стоял. Рита с друзьями тремя бесшумными тенями проскользнули по разьеженной дорожке, мимо дачных участков к стоявшему на отшибе аккуратному дому. Где-то залаяла собака, скрипнуло на ветру разошедшееся старое дерево. И все стихло.

Они перемахнули через забор. Банан зацепился штанами за гвоздь, смешно замахал руками, и Рита, тихо выругавшись, освободила его. Проскочили через сад, поднялись по деревянным ступенькам террасы.

– Банан, ты останешься здесь. На стреме, – коротко приказала Рита. – Аниська, давай газету!

Пацан вытащил из-за пазухи несколько свернутых газетных листов. Рита аккуратно развернула их, приложила к выходившему на веранду занавешенному окну, разгладила бумагу, показала Аниське, где придерживать и, ловко надавив руками, почти бесшумно выдавила стекло.

– Ну! Вперед! – шепотом скомандовала она – и первой проникла в дом.

В темном помещении приятно пахло деревом, старинной лакированной мебелью, глаженным бельем. И лишь чуть-чуть – пылью и затхлостью, как всегда пахнет в доме, где давно не было людей. Подсвечивая себе путь фонариком, Рита обошла комнаты. Действительно – картины на стенах, рояль, накрытый кружевной салфеткой, стулья с витыми спинками, тяжелые медные статуэтки на каминной полке. Оказывается, и так можно жить!

Ей вдруг до боли захотелось остаться тут, в этих отделанных полированным деревом стенах, в просторных комнатах с высокими потолками. Где все так чисто, все предметы на своих местах. Кажется, что и люди, живущие здесь, должны быть какими-то особенными – лучше тех, которых она встречала в своей обыкновенной жизни. Наверное, они не проигрываются в карты, не бухают дешевый портвейн на косогоре, не лазят по ночам в чужие жилища... Ладно. Некогда сейчас предаваться фантазиям!

Рита принялась быстро обшаривать ящики буфета. Все, что находила ценного, совала в рюкзак. Аниська деловито сматывал провод видеоманитофона.

– Смотри! А это че? – позвал он ее.

Рита обернулась, наткнулась в темноте рукой на какую-то тяжелую статуэтку, которую Аниська совал ей в руки. Укушенная котом ладонь, вроде бы уже зажившая, засадила с

новой силой. Рита, охнув, уцепилась рукой за край застеленного скатертью стола, одернула Аниську:

– Че ты мне это суешь?

– Да приколот же! Зыррь, баба голая!

– Придурок! – обругала его Рита. – Давай быстрее, ща Банан там кони двинет от холода.

И, словно услышав ее, из-за выбитого окна подал голос Банан:

– Эй, вы скоро там? Тут че-то возня какая-то на улице. По ходу сваливать надо.

Они даже не успели разобраться, сколько успели взять. Быстро перемахнули через подоконник, проскочили через сад и снова оказались по ту сторону забора. И вовремя. Потому что еще через пару минут около калитки запыхтел милицейский «газик», и поселковый сторож, выскочив откуда-то, затараторил выходявшему из машины милиционеру:

– Я тут это, значит, не спалось мне, покурить вышел на крыльцо. Смотрю – а там за окном свет какой-то. Вроде мечется. Я так сразу и понял – фонарик. Ну, я и позвонил «ноль два».

– Что позвонил, это ты правильно, – закивал милиционер, и Рита узнала голос дяди Коли. – Это ты верно рассудил. Ты погоди, Иваныч, не кипешуй, ща разберемся, что к чему.

Дальнейшего она слушать не стала, сделала знак друзьям, и вся троица, забросив на плечи рюкзаки с украденными вещами, припустила через лес к городу.

Содержимое своего рюкзака Рита отдала Банану, настоятельно попросив не утруждать ее подробностями своего объяснения с каталами, которым он задолжал. Собственно говоря, прибыль от афер никогда ее не интересовала. Особенных материальных запросов у нее не было – к шмоткам она была равнодушна, а в случае голода куда проще было стащить в магазине пирожок с яблоком, чем впутываться в какое-то сложное дело. Да и совестно было, честно говоря, перед владельцами дачи, чужими людьми, в жизни не сделавшими ей ничего плохого. Хотелось бы, конечно, думать, что они какие-нибудь подлецы, негодяи и, ограбив их, она восстановила мировую справедливость. Вот только Рита никогда не была любительницей предаваться самообману. И стыдно было за то, что эта афера вернула ей чувство риска, приятную дрожь от гуляющего в крови адреналина. Пообещав Марату обойтись без своих обычных выходов, она почти год жила как будто бы не своей жизнью – в полусне, в реальности, лишенной ярких красок. И только теперь будто бы проснулась.

С другой стороны, Рита понимала, что надо бы все-таки действительно постараться больше не рисковать в ближайшее время. Когда Марат вернется – а он вернется, иначе просто и быть не может, – она встретит его здесь, дома, а не где-нибудь в КПЗ.

Через два дня ладонь, в которую вцепился долбаный Курт, раздулась и покраснела. Ничего не оставалось, кроме как идти в травмпункт. Оказалось, что рана воспалилась. Врач промыл ее, намазал чем-то, наложил повязку и вкатил Рите инъекцию против бешенства, объяснив, что для полного эффекта укол нужно будет повторить еще два раза. По дороге она зашла в аптеку и теперь шла по улице, помахивая зажатым в здоровой руке пакетиком с лекарствами.

Возле подъезда чихал милицейский «газик». Рита замедлила шаг – лишний раз встречаться с родной милицией ей вовсе не хотелось. С другой стороны, рвануть обратно – тоже привлечь к себе излишнее внимание. Может быть, менты сюда совершенно не по ее душу нагрянули. Пройти мимо! Точно! Не сворачивать в подъезд, свернуть за угол дома – и там уже пуститься бегом. Только спокойно.

Ноги словно налились свинцом, мышцы спины напряглись и одеревенели. Рита, усилием воли заставляя себя не прибавлять шаг, медленно прошла мимо собственного подъезда. За спиной хлопнула дверь машины, и знакомый голос дяди Коли окликнул ее:

– Хромова, ты, я гляжу, еще не в колонии?

Шею скрутило спазмом. Рита медленно обернулась, все еще удерживая на лице беспечное выражение. Дядя Коля щурил на нее маленькие водянистые глаза. Рыжие усы его лихо топорщились в стороны. От дыхания несло чесночной колбасой.

– Да вы что, дядь Коля, какая колония? Я же теперь почти отличница. Вы не в курсе?

– Угу-угу, – покивал тот. – А с рукой что? Так усердно уроки учила?

– С рукой... – Рита повертела забинтованной ладонью. – Кошка разодрала. Вернее, кот...

– Раненая, значит. – Дядя Коля вдруг перехватил ее руку и принялся разглядывать повязку. – В травмпункт-то ходила? Вижу, вижу. Это хорошо... А знаешь, почему хорошо, Хромова? Потому что, значит, запись у них в журнале имеется про твою рану. Ты не слыхала? Зеленую дачу-то, ну ту, где профессор Бородин летом отдыхает, какая-то шпана обнесла. Следов почти не оставили, поганцы. Но вот ведь удача какая. У кого-то из них рука была пораненная. Он за что-то схватился, в темноте, и там, прям на скатерти, след-то кровавый и остался.

Вот теперь – бежать! – сообразила Рита. Теперь уже все равно.

Она рванулась в сторону. Но дядя Коля, так и не выпустивший ее руки, молниеносно сомкнул пальцы вокруг ее запястья, вцепился прямо-таки бульдожьей хваткой.

– Ты куда же это намылилась, Хромова? Я с тобой, значит, беседую, делюсь, можно сказать, наболевшим. А ты – бежать? Нехорошо, Хромова, нехорошо. Придется тебе за такое неуважение в отделение со мной прокатиться.

Из машины, словно по сигналу, выскочил еще один милиционер, молодой и тощий, и ухватил Риту за вторую руку. Из-за угла показалась Эсфирь Леонидовна, как обычно, в мальчиковых ботинках и старом пальто, похожем на шинель. В руках у нее были пакеты из магазина. Увидев, как Риту заталкивают в милицейский «газик», старуха остановилась, пораженная. Нос ее, кажется, вытянулся еще длиннее, пакет в левой руке накренился, и на тротуар посыпались желтые трубочки макарон. Потом Риту впихнули в машину, дверь за ней с лязгом захлопнулась. Дядя Коля со своим напарником заняли места впереди, и «газик», крякнув, рванулся с места.

Все последующие события слились для Риты в один бесконечный зловонный мучительный день. Она не могла потом вспомнить, сколько раз за это время наступала ночь, сколько раз солнце заглядывало в зарешеченное окошко под потолком. Кажется, она временами проваливалась в сон, иногда что-то ела – хлебала вонючую баланду, разговаривала о чем-то, думала, снова спала...

Соседка по камере, Надюха, наркоманка со стажем, каталась по полу и билась головой о стенку, мучаясь от ломки. Другая – пожилая бомжиха с пропитым лицом бесформенной кучей тряпья сидела у стены, раскачиваясь из стороны в сторону и бормоча что-то про себя – не то молитвы, не то какие-то заклинания. Еще с одной сокамерницей – жилистой теткой без половины зубов в провалившемся рту – Рите пришлось подраться в самый первый день. Та, попавшая в камеру далеко не в первый раз, стремилась установить свой авторитет и поставить на место зарвавшуюся ссыкуху. Рита, поднаторевшая в дворовых боях, ловко двинула надоедливой бабе кулаком в челюсть, и та, матерясь и плюясь кровью, отошла на свое место и больше уже к ней не приставала.

Лежа на койке и глядя в облупленный, в грязных потеках, потолок, Рита думала о том, как лучше описать запах камеры. Помои пополам с дерьмом? Нет, тут еще запах немых тел, слежавшихся матрасов, мышинной сырости, необъяснимой какой-то тоски... Слова складывались в голове в предложения, в отдельные абзацы. Ей хотелось записать все это где-нибудь, пока не забыла, но ни бумаги, ни карандаша у нее не было.

Несколько раз она беседовала с дядей Колей – не в камере, конечно, в узкой комнате, провонявшей какой-то кислятиной, сидя на привинченном к полу стуле.

– Хромова, вот ты мне скажи, тебе мать свою не жалко? – поводит усами дядя Коля. – Нет, ты подумай, ты же одна у нее, единственная дочь, так сказать. И до чего ты ее доводишь?

– Я – дрянь и эгоистка, – легко согласилась Рита. – С этим разобрались. Давайте по существу.

– Да ты хоть знаешь... – Он почему-то вдруг разволновался, вскочил из-за стола, комкая в потной ладони край синей рубахи. – Ты хоть знаешь, что я с Ленкой в одной школе учился?

– Догадываюсь, – пожала плечами Рита. – В нашем городишке вариантов-то немного.

– Она такая была, такая... – Милиционер защелкал пальцами в поисках подходящего эпитета. Так и не найдя его, досадливо махнул рукой. – Вот ты, Хромова, девка видная, конечно. Может, и покрасивше, чем мать была в твои годы. А только глаза у тебя... одним словом, злые глаза, нехорошие, с гнильцой. А она такая была светлая, чистая...

Рита шумно выдохнула. Абсурд какой-то! Мало того что она заперта здесь – ни помыться, ни поесть нормально, ни побыть наедине с собой, так плюс ко всем мучениям еще и слушать сентиментальные воспоминания козла, который ее сюда засадил?

– Угораздило же ее с твоим отцом спутаться! Всю жизнь ей сломал, ублюдок конченный! Да если бы не он, если б она за меня вышла...

– О да! – издевательски закивала Рита. – С вами она была бы куда счастливее. Особенно если бы узнала, как вы всем отделением вокзальных шлюх без регистрации по кругу пускаете.

Дядя Коля побагровел и хищно надул ноздри:

– Да ты... Да ты хоть подумала, малахольная, что с ней будет, если тебя в колонию упрячут? Как она одна останется, она же как дитя малое! И так слабенькая, хрупкая, как этот... как его... как цветок, вот. Она же не переживет этого.

Рита отвела глаза и судорожно сглотнула. Мать действительно было жалко до чертиков. Стоило лишь подумать о том, как она там одна, мечется по пустой квартире, ничего не понимает. Она ведь верит, что ее драгоценная доченька – луч света в темном царстве. А доченька тем временем ходила обчищать чужую дачу, не удосужившись задуматься, что будет с ее больной матерью, если она попадется.

– А я, значит, должен вот так вот Ленку этим по голове, – продолжал разоряться дядя Коля. – Прийти и сказать: «Прости, Елена, но дочку твою я – того, под статью пойдет». Своими руками, можно сказать, ее добить. Да чтоб оно все провалилось к чертям собачьим.

Рита шмыгнула носом и с силой прикусила губу. Нельзя, нельзя расклеиваться! Если она будет думать о том, как мать там одна, если станет предаваться бессмысленному раскаянию, она просто растечется прямо тут, на полу, беспомощной лужицей. Поэтому, постаравшись придать голосу достаточно суровости, она буркнула:

– Дядь Коль, я не пойму, вы чего конкретно от меня хотели?

– Да пошла ты, – отмахнулся милиционер. – Еще базары с тобой разводить, – вызвал конвой и отправил ее обратно в камеру.

Через несколько дней в камеру поместили цыганку – узколикую черноглазую тетку со сломанным, смотревшим куда-то вбок носом, наряженную в давно не стиранные разноцветные тряпки. Голова ее была повязана платком, из-под которого выбивались свалявшиеся черные пряди.

В первый же день, водя по Ритиной ладони заскорузлыми пальцами с черными обломанными ногтями, цыганка объявила ей, что ждет ее долгая дорога, и где-то там, впереди, богатство и слава. Рита невесело засмеялась:

– А казенный дом в недалеком будущем меня не ждет?

Цыганка покачала головой.

– Нет, не вижу такого. Дело твое чистое, скоро выйдешь отсюда. А вот здесь... Короля твоего вижу, светлоглазого... Ой, непросто ему!

И Рита вздрогнула. Только сейчас она почему-то вспомнила об их последнем разговоре с Маратом. «Обещай, что с тобой ничего не случится», – сказал он. И она ответила: «Если ты пообещаешь мне то же самое». С ней – случилось. Значит, и с Маратом может случиться. Она нарушила договор – и теперь Марат в опасности? Он должен, обязан был держать слово – до тех пор, пока слово держала она.

Черт, черт! Рита затрясла тяжело гудящей головой, стиснула ладонями лоб. Бред! Все это бред, суеверие! С Маратом все будет хорошо.

– Он жив? – сглотнув набежавший в горле комок, хрипло спросила она.

Цыганка, наморщив лоб, вглядывалась в ее ладонь. Затем кивнула:

– Жив, жив... Долгую жизнь ему вижу. Только трудную. И тебя рядом с ним вижу, только не вместе.

– Это как? – нахмурилась Рита.

– А так. – Цыганка повела круглыми плечами. – Вроде и вместе, а вроде и врозь. Такая она, судьба ваша, будет.

– Фигня все это, – скептически фыркнула Рита и отвернулась.

Марат вернется, обязательно вернется. Осталось всего чуть больше года – и он будет дома. Только встретятся ли они тогда? Или ее к тому времени уже отправят куда-нибудь валенки валять? Господи, надо ж было так по глупости вляпаться. Она ведь хотела дожидаться Марата, уехать отсюда – в Москву, поступить учиться, увидеть какую-то настоящую, яркую и интересную жизнь...

Рита устало прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Представляя себе, как Марат, загорелый, мокрый, после купания в реке, наклоняется к ней. На ресницах его повисли капли речной воды, и глаза от этого кажутся еще светлее, еще прозрачнее. Лед и стекло, солнечный свет, преломляющийся в кристалле. У Марата короткий шрам на нижней губе – когда-то в детстве упал с крыльца и рассек. Когда он целует ее, она чувствует губами твердую тонкую ниточку.

Все будет хорошо. Обязательно будет хорошо. Жизнь не смеет поступить с ней иначе!

Все закончилось так же внезапно и нелепо, как и началось. Ее снова вызвали в кабинет к дяде Коле. Толстяк милиционер, не глядя на нее, сунул ей в руки папку с документами и буркнул:

– Все, Хромова, проваливай отсюда!

– Куда проваливать? – не поняла она.

– С глаз моих долой, – гаркнул вдруг он. – Чтоб я тебя не видел! А лучше – мой тебе совет – уезжай из города. Совсем уезжай. Чтоб не всплыли тут отпечатки пальцев какие-нибудь сраные или еще что.

Рита прищурилась, прикусила нижнюю губу, соображая.

– Вы меня отпускаете? А как же... Скатерть? След от укуса?

– Ты совсем дурная, что ли? – в сильнейшем раздражении заорал дядя Коля. – Говорят тебе, не было там никакой скатерти. Не было! А если и была, то сейчас ее нет. Может, злоумышленники с собой утащили, кто их знает. И лучше не зли меня, Хромова, а то я точно тебя упрячу. Дуй отсюда, говорят тебе!

Он отвернулся и принялся шуршать бумагами на столе. Затем, так и не поднимая глаз, буркнул:

– Матери своей спасибо скажи. И смотри мне там, не огорчай ее. Ей и так в жизни, бедной, досталось... Все, давай выметайся, чтоб я тебя не видел.

Рита, помедлив у дверей, несколько секунд смотрела в его мясистую, обтянутую голубой рубашкой с темными пятнами пота спину. Потом коротко прошептала:

– Спасибо! – и вышла за дверь.

На улице стояло уже совсем лето. Теплый, пахнувший цветами ветер ударил в лицо. Рита задохнулась, закашлялась. Потом стояла и ловила воздух открытым ртом. Просто дышала, свободно, легко, всей кожей ощущая аромат чистого высокого неба.

Свободна! Можно идти куда захочешь! Делать что хочешь! Можно подпрыгнуть высоко-высоко, прямо сейчас, не стесняясь людей на улице. Можно заорать во все горло, запеть, пуститься танцевать! Пройтись на руках по тротуару, распугав прохожих.

А уже завтра... или послезавтра... В крайнем случае через неделю, как только получится выбить из школы документы, можно вскочить наконец в гроыхающий, пахнувший железным жаром поезд – и нестись далеко-далеко. В Москву.

Остаться здесь ей нельзя, дядя Коля ясно дал это понять. Кто бы мог подумать, что вся эта история будет иметь такой позитивный итог! Значит, теперь – успокоить мать, переговорить с Эсфирью Леонидовной, чтобы присматривала за ней, собрать вещи и документы, купить билет...

А Марат... Марат потом придет к ней. И они будут вместе. Теперь уже навсегда.

Часть II

1

собаки длинные желтые клыки. Глаза смотрят прямо, не мигая, и взгляд этот звериный, наглый, не предвещает ничего хорошего. Уши зверя плотно прижаты к черепу, тело подобралось, спина напряжена в струнку. Еще секунда – и псина бросится вперед, клацнут желтые свирепые зубы, и тогда...

Марат отступает на шаг назад. Странно, все вокруг какое-то вязкое, словно движется он по горло в воде. Он видит Риту. Она стоит чуть поодаль, вцепившись побелевшими пальцами в собственную куртку. В ее прозрачных, светло-зеленых глазах паника, губы чуть приоткрыты. Она не видит Марата, смотрит лишь на собаку, которая вот-вот кинется.

И Марат бросается вперед, сбивает Риту с ног и заслоняет ее собой. Собачьи лапы упруго толкают его в грудь. Он видит над собой оскаленную пасть. Еще миг – и беспощадные зубы вонзятся в его горло. Вдоль позвоночника стекает холодный пот, грудную клетку сковывает страх. Он пытается выставить вперед локоть, чтобы помешать псу убить его, делает нечеловеческое усилие...

И вдруг собаки уже нет, а перед ним стоят Руслан и Рита. Рус обнимает ее за плечи и привычно целует в темную макушку. И Рита смотрит ему в глаза и счастливо улыбается, как будто и не видит Марата.

– Это моя жена, – говорит ему Рус. – Моя!

– Эй, подъем! – услышал Марат над ухом голос Гаса.

– Слышь, дай пацану эротический сон досмотреть, – со смехом оборвал его Леха.

Марат крепко зажмурился перед тем, как открыть глаза. Наяву он давно запретил себе вспоминать о прошлой жизни, о доме, о Рите. Выработал специальную привычку, вроде условного рефлекса. Как только в голове начинало возникать воспоминание о доме, пускай еще даже смутное, неоформленное, просто какие-то солнечно-зеленые пятна, он резко прикусывал зубами подушечку большого пальца, зажмуривался, мысленно считал до трех и делал глубокий вдох. И воспоминания послушно уходили, не тревожа его больше.

Так и сейчас, выдохнув и досчитав до трех, он не выбросил из головы сон, а просто как будто выключил ту часть себя, что отвечала за домашнюю жизнь, и включил другую – армейскую. За месяцы, что он провел здесь, в Чечне, вот так переключаться получалось у него все быстрее и быстрее.

Марат открыл глаза и быстро поднялся, оглядел помещение. Раньше тут был детский сад, и со стен до сих пор ухмылялись нарисованные масляной краской бородатые гномы и девчонки в ярких косынках на головах. Вся эта идиллическая живопись довольно абсурдно контрастировала с бритыми мускулистыми парнями из его группы, быстро натягивавшими сейчас форму, с бьющим в нос запахом мужского пота и ношенных берцев.

Группа поспешно собиралась на выход. Парни подкалывали друг друга, пересмеивались. Настроение у всех было хорошее, хотя и слегка напряженное.

– Алло, Гас, ты куда прешь? Что, птичья болезнь, что ли, после вчерашнего? – проворчал кто-то.

Марат вспомнил, что вчера отмечали день рождения их командира, лейтенанта Стрешнева. Кто-то рванул к медбратьям, раздобыл спирта. Каждому досталось по полкружки. И один из парней, по кличке Джонни, взялся говорить тост за лейтенанта и понес какую-то пургу, что-то вроде – за нашу победу. А Стрешнев поморщился – кажется, здесь никто, ни

командиры, ни солдаты не верили в «наше дело правое, мы победим». Нелепая война... Как тогда Рита сказала: «Отвратные политические игры, в которых ни я, ни ты ничего не понимаем». Ну вот, опять. Он привычно прикусил палец и выключил мысли о Рите, уже второй раз за это утро.

В самом начале, когда их с Лехой только перебросили сюда, как хорошо проявивших себя в учебке (им повезло, попали в одну часть), он пытался еще разобраться, с кем и за что они воюют. Думал, что прибыл сюда, чтобы отомстить проклятым врагам за смерть брата. Лез в самые опасные передраги, рисковал собой, где надо и не надо, чуть ли не сам подставлялся под пули. А потом его вызвал Стрешнев и, хмурясь, сказал:

– Слушай, Ибрагимов, я не знаю, что там у тебя произошло дома. Девчонка тебе изменила или друг предал. Да меня это и не особо интересует, честно говоря. Только смертники мне тут на хрен не нужны. Со своими тараканами разбираться будешь дома, с мозгоправом. А здесь твоя задача: выполнить задание и остаться живым. Потому что заменить тебя некем. Усвоил?

– Так точно, товарищ лейтенант, – отрапортовал он.

Тогда и стало окончательно ясно, что то, что он делает здесь, – просто работа, одна из многих. Не борьба за чью-то свободу и безопасность, не месть за Руса, не проверка себя на прочность, не попытка завоевать право на любимую женщину – нет, просто работа. Выполнять приказы, делать все четко и правильно и не думать.

Когда-то, тысячу лет назад, он боялся, что не справится, что глаза первого убитого им человека будут преследовать его всю жизнь. Он читал о таком в книгах, видел в кино. Но все оказалось совсем не так.

Он помнил тот первый свой бой. Боевики засели в селе, в каменном доме, вокруг выкопали рвы, укрепления, понатыкали мин. Они брали их несколько часов, под почти непрекращающимся огнем, в страшной жаре. И когда все было кончено и он вошел в полуразрушенный дом, там надсадно воняло гарью и кровью. Запах крови был такой густой, вязкий, что, казалось, его можно было потрогать руками. Трупы сволакивали к стене – бессильные тела в камуфляже, слипшиеся от крови бороды, оторванные конечности, обезображенные лица. Кого из них убил он? Может, вон того, совсем молодого, без одного пальца на руке? Или этого, с седыми висками? Он не знал и не хотел знать. Все происходящее казалось обыденным, нормальным. Просто такая работа – стрелять по людям. Раньше думал, будет их лечить, а оказалось – придется убивать.

Оказалось к тому же, что его дар остро чувствовать живое существо, его повадки, намерения, его боль – совершенно неоценим здесь. Выяснилось, что чем острее ты чувствуешь жизнь, тем точнее знаешь, как уничтожить ее. Такой вот парадокс. Но глубоко задумываться о его природе Марат не стал.

Нет, кошмары об убитых людях его не мучили. Только о живых, о тех, кто остался дома.

Вчера, после того, как выпили за лейтенанта, Стрешнева вызвали «наверх», и стало понятно, что на завтра что-то готовится. Никто особо не напрягся – все давно привыкли к регулярным вылазкам, операциям и зачисткам. Просто общая атмосфера стала чуть сосредоточеннее, чувствовалось, что все ожидают, какую задачу им поставят на этот раз.

И только Леха, размякший от спирта, беспечно жаловался Марату:

– Че делать, не знаю ваще. Мать в последнем письме писала, Катька узнала про Светку. Кто ей наплел-то, одного не понимаю? Ну пипец теперь, че она мне устроит, когда вернусь, даже не представляю.

– Про Галю не узнала? – подколот его Марат.

– Да не дай бог! – фыркнул Леха. – Не, про Галю ей не узнать. А то бы совсем край!

Любвеобильный Леха умудрился завести роман и тут, пока еще стояли в Грозном, с санитаркой Галей из санчасти. Марат знал, что многие из ребят, когда была возможность, ходили к медичкам. Но сам не ходил никогда. В группе над ним подсмеивались:

– Ибрагимов бережет себя до свадьбы!

Но он не обращал внимания. Знал, что дело не в этом, не в каких-то там обязательствах, хотя и в них тоже. Но главным было то, что он понимал – станет еще хуже. Сейчас ему удавалось почти безболезненно переключать себя, не позволять себе думать о Рите. Но как только до него дотронутся чужие женские руки, станет невыносимо. Сразу накатит тоска по ней – по ее волосам, струящимся сквозь пальцы, по ее взгляду – лукавому и откровенному до бесстыдства, по нежным губам – верхняя чуть пухлее, и край ее остро вырезан, по рукам, касающимся его тела, по ее коже, делавшейся горячей и влажной под его губами.

Нет, лучше было совсем не вспоминать, что на свете существуют женщины, чем так мучиться от невозможности быть рядом с одной из них.

Потом вернулся лейтенант Стрешнев, разъяснил им задачу: завтра будет проведена масштабная операция по зачистке крупного села, где засели боевики. Их подразделение двинется в составе колонны бронетехники. Выход запланирован на шесть утра. Теперь же всем приказано отправляться спать.

И Марат блаженно растянулся на койке, а потом увидел тот сон – про собаку.

Лейтенант дал команду:

– Группа, на выход!

И они высыпали на улицу. Высоко-высоко, над крышами домов, над шапками гор раскинулось небо – синее и бездонное. Утреннее, умытое росой солнце обсыпало его теплой позолотой. И прямо над головами, в безмятежной вышине, парил, раскинув крылья, остроклювый ястреб. Тишина звенела в ушах.

На узкой сельской улице стояли подготовленные БТР. Приземистые, широкие, как черепахи, издававшие запах железа и мазута.

– Ну че, пацаны, жить-то хочется? – потягиваясь, спросил кто-то из ребят.

– Да ну нах, – отозвался другой. – I hate myself and I want to die².

– Бхаха, посмотрим, че запоешь, когда тебе звери жопу отстрелят!

Лейтенант отдал команду, и ребята принялись грузиться в БТР.

– Давай, шевели булками! – крикнул Леха Гасу. – Че тебя тут, до вечера дожидаться?

Марат запрыгнул в люк последним, сел рядом с Гасом. Леха поместился напротив, поправил каску. Загрохотал мотор, корпус машины дернулся, затрясся крупной дрожью – и колонна тронулась. Еще один парень, Митяй, перекрывая шум двигателя, орал в рацию:

– Да! Мы тронулись! Тронулись мы. Пока все спокойно!

Леха вдруг заржал – смеха не было слышно в реве мотора, Марат понял, что друг хохочет, только по белой полосе обнажившихся зубов. Леха сделал им с Гасом знак наклониться к нему и заорал, пытаясь перекрыть рокот двигателя:

– Анекдот вчера рассказали. Хотите?

– Ну! – нетерпеливо кивнул Гас.

– Короче, слушайте! – Леха орал изо всех сил. Марат видел, как на шее его вздуваются от натуги синие вены: – «Товарищ полковник, мы окружены! – Зашибись! Теперь мы можем атаковать в любом направлении!»

Гас захохотал, откинув голову. Митяй вдруг гаркнул:

– Хорош ржать. Люк открыл! Ща мимо села разбитого проезжать будем.

² Я ненавижу себя и хочу умереть (англ.).

Марат понял – есть опасность, что в развалинах затаились ваххабиты. Если начнут обстреливать колонну из гранатометов, люки в БТР должны быть открыты. Если граната прошьет корпус и разорвется в закрытом БТР, их всех размажет по стенкам, как паштет. А если люк будет открыт, хоть кого-то может выбросить, а он потом вытащит остальных.

Гас, матерясь, полез наверх открывать люк. Митяй орал в трещащую рацию:

– Что? Вас не слышно? Так точно, понял! Мы проходим...

Леха дернул Марата за рукав и, приблизившись вплотную, крикнул в ухо:

– Зашибись, можем атаковать в любом направлении!

Голубые глаза его прыгали и смеялись. И Марат засмеялся тоже.

– Проходим участок около села. Пока все тихо! – докладывал Митяй.

А потом вдруг загрохотало так, что шум от гусениц БТР стал еле различим. Корпус машины трянуло. И Марат удивился, что гром, оказывается, имеет цвет – черно-оранжевый, ослепляющий. Его трянуло, рвануло вперед и вверх какой-то обжигающей кипящей волной. Подбросило так, что он успел ухватить на миг ощущение полета, и воздух под раскинутыми в стороны руками стал плотным и вязким, как вода. Потом перед глазами мелькнула выжженная, покрытая растрескавшейся коркой земля – и Марат рухнул в черноту.

Рита поцеловала его. Он чувствовал под дрожащими пальцами чистую нежную прохладную кожу ее лица. Исступленно гладил выступающие скулы, не мог оторвать взгляда от ее причудливо выгнутых ресниц. Он хотел ударить ее, избить за то, что вывернула ему наизнанку всю душу, за то, что полезла в этот чертов ангар, и собака чуть не разорвала ее. Но Рита вырвалась и ударила его сама, по лицу. А потом поцеловала. И он совсем озверел, его просто трясло всего от сокрушительного, ненасытного желания. Ощутить ее, всю, прижать к себе, накрыть своим телом и никогда-никогда не отпускать. Моя! Навсегда моя!

Ее губы на его губах, ее вкус мешается со вкусом его собственной крови – железным, соленым...

Март облизнул губы, ощутил языком стекающую по запекшемуся рту кровь – и открыл глаза. Голову надсадно ломило, лицо было разбито. Он попытался сесть и понял, что в целом все в порядке. Руки, ноги двигались, спина была цела. Его только оглушило немного.

Вокруг все горело и чадило. Он увидел прямо перед собой развороченную тушу БТР. Черный дым клубился, застилая глаза, выворачивая легкие истошным кашлем. Красно-рыжее пламя вырывалось из корпуса, как экзотический южный цветок. Вокруг трещали выстрелы, проносились его товарищи.

Марат вскочил на ноги, уже не обращая внимания на шум в висках и подступающую к горлу тошноту.

Там люди! Друзья! Вытащить...

Прищурившись так, чтобы лишь смутно различать, куда движется, он нырнул в развороченный металл. Ничего не видя перед собой, ухватил первое же тело, которое попало в руки. Тяжелая, недвижимая плоть. Еще не видя лица того, кого он тащил, он перехватил его за подмышки, рванул на себя, выволок на воздух, сбивая ладонями огненные языки с занявшейся формы. Подплывшее кровью плечо, приплюснутый нос в черной копоти – Митяй!

Марат оставил его на земле и ринулся обратно. Он тащил следующее тело и молился про себя, чтобы это был Леха. Он знал, что обязан вытащить всех, что не имеет права выбирать, кого вытаскивать первым – должен хватать того, кто ближе к выходу. Все они – его товарищи, все одинаково ценны. Но, делая все, как их обучали, он все же молился, чтобы живым, дышащим человеком в его руках оказался Леха. Его земляк, одноклассник, друг.

Он может не успеть вытащить всех. Огонь все сильнее.

Он выволок следующего, опустил на землю, перевернул, глядя в закопченное лицо. Гас...

Пламя за спиной радостно рванулось ввысь, заревело, празднуя свою победу. Марат быстро обернулся, прищурился, оценивая ситуацию. Там нет больше живых. Нет! В таком огне никого не спасти. Нужно уходить.

Он сжал губы и, прикрыв руками лицо, бросился в огонь. Пламя прорастало сквозь его форму, взвивалось желтыми ростками. Он сбивал его, не замечая жара, кашлял от чада, на ощупь пробираясь в полыхающем БТРе. Оттолкнул берцем что-то металлическое, почти упал – и наконец наткнулся руками даже не на тело, на какое-то полыхающее огнем смердящее полено. И только через секунду осознал, что это Леха.

Он не чувствовал, как жжет ладони, тащил его наружу, рыча от натуги. Выбросил на землю, вывалился следом и только тогда – увидел. У Лехи не было больше лица. Только черный обугленный остов. Там, где раньше были уши, остались угольные сморщенные хрящи. Марат испугался, что увидит среди этой изжаренной плоти голубые смеющиеся глаза, а потом понял, что и глаз уже нет. От того, что было когда-то Лехой, тошнотворно воняло прокопченной плотью. Желудок скрутило судорогой, и Марат едва сдержался, чтобы не выbleвать весь свой животный ужас.

Прислушавшись, он различил вдруг среди рева огня и треска выстрелов слабый, еле слышный звук и понял вдруг, что обугленное тело рядом с ним – еще живое. Что это от него идет не то писк, не то шорох.

На висках выступил холодный пот, пальцы скрутило от ужаса. Он поверить не мог, что обугленный кусок мяса может еще жить, издавать звуки, испытывать боль.

Господи, Леха! Леха, нет! Подожди! Я сейчас!

Он несколько секунд дышал ртом, чувствуя, как рвутся наружу легкие. Показалось, будто сам воздух вырывается из него кровью, фонтаном хлещет из горла. Он подавился собственным криком, не понимая, почему отказали вдруг голосовые связки.

У него нет времени на истерику. Нет на нее права.

Быстрее!

Силой воли погасив дрожь в руках, Марат выхватил «стечкин», приставил его к почерневшей голове – теперь и не разобрать было, где висок, мучительно замычал и выстрелил.

2

На переговорном пункте почему-то пахло парикмахерской – чем-то кислым и синтетическим. Рита прижала к уху гладкую тяжелую трубку.

– Ну и как она? – спросила, задумчиво проводя пальцем по исписанной деревянной полке, на которой помещался телефонный справочник.

– Как? – отозвалась трубка каркающим голосом Эсфири Леонидовны. – Маргарита, детка, не морочь мне голову! У нас все в полном ажуре. Твоя мать жива, здорова, перечитывает Писемского и пытается со мной его обсуждать – ты можешь себе это представить?

– О да, пожалуй, могу, – хмыкнула Рита. – Эсфирь Леонидовна, я в этом месяце не выслала денег. Вы извините...

– Маргарита, иди в жопу! – весело посоветовала старуха. – Будут деньги, пришлешь, не будут – мы тут тоже голодать не станем. Ты себе даже не представляешь, сколько блюд можно приготовить из перловки. А у меня между тем десятилетний опыт обращения с этой бесценно-полезной крупой.

– Ладно, – рассмеялась Рита. – Я верю в ваше кулинарное искусство. Но денег все-таки постараюсь прислать. Думаю, на следующей неделе.

Она помолчала немного, перевела дыхание и спросила, как будто между прочим:

– А что вообще нового... в городе?

– В городе? Не смей меня, Маргарита. Что может быть нового в этом богоспасаемом городе?

– Ну, я не знаю, – протянула Рита. – Может быть... кто-нибудь приехал?..

– Маргарита, что ты из меня пытаешься вытянуть, как энкавэдэшник на допросе? – оборвала Эсфирь Леонидовна. – Если бы у меня были новости, я давно бы тебе сказала, а не занималась светской трепотней. Никто не приезжал.

– Ладно, я поняла, – кивнула Рита. – Счастливо, Эсфирь Леонидовна, не болейте!

– Не дождешься! – пообещала старуха, и трубка откликнулась короткими гудками.

Повесив трубку, Рита вышла из здания и оглядела сквер, в котором располагался переговорный пункт. Деревья тянули к небу черные мокрые ветки, осыпанные золотыми листьями. Под ногами, на серой бульварной плитке, синело в лужах опрокинутое осеннее небо. Воробьи шумно ссорились из-за рассыпанных на траве темно-оранжевых рябиновых ягод. Прохожие поднимали головы, поглядывая на небо, готовое вот-вот разразиться дождем. Некоторые уже щелкали зонтиками – и над толпой раскрывались разноцветные купола.

Она не сразу заметила среди прохожих человека, которого высматривала. Поначалу пробежала равнодушным взглядом высокую тонкую фигуру в длинном черном пальто и лишь потом, разглядев над по-пижонски поднятым воротником непокорные золотистые вихры, рассмеялась от неожиданности и пошла вперед, к скучавшему под фонарным столбом другу. Подойдя сзади, она ловко ухватила дождавшегося ее юношу под руку и пропела, комично растягивая слова:

– Мужчина, вы такой шикарный! Можно с вами рядом постоять?

Парень обернулся, и на Риту весело глянули нахальные синие глаза ее московского приятеля Левы Беликова.

– Даже не знаю, – со смехом отозвался он. – По-моему, вы меня компрометируете, дамочка.

Рита, отступив назад, принялась разглядывать его пальто – длинное, черное, приталенное, делавшее и без того тонкую и стройную фигуру ее друга какой-то уж совсем неземной – словно падший ангел спустился с неба, чтобы смущать москвичей своей надломленной красотой.

– Левка, я ослеплена. – Она картинно прикрыла глаза ладонью. – Где ты оторвал это великолепие? Не отвечай! Ты, сволочь, ограбил ГУМ, а меня с собой не взял, так?

– Фи, милая Гретхен, бросьте ваши уголовные повадки. – Лева жеманно повел бровями. – Я всего лишь свел знакомство с одним очень талантливым студентом текстильной академии. Это он для меня сшил. Только никому не говори, я собираюсь втирать всем, что это пальто из последней коллекции Кензо.

– И чем ты с ним за эту шинель расплатился? – спросила Рита. – Стоп, молчи. Избавь меня от подробностей своей половой жизни.

– Ты не знаешь, от чего отказываешься, – важно вскинул подбородок Лева. – Это о-о-очень захватывающие подробности.

– Да, детка, ты меня заводешь! – с хохотом толкнула его плечом Рита. – Ладно, хорош трепаться. Ты мне зачем в общагу звонил?

– Дело есть, – тут же оживился Лева. – Поехали ко мне, по дороге все расскажу.

Рита жила в Москве уже второй год и училась на втором курсе сценарного факультета ВГИКа. Вступительные экзамены дались ей довольно легко – ее этюды и небольшие рассказы в самом деле заинтересовали приемную комиссию, и мастер Демьянов, набирающий курс в этом году, сразу сказал, что Хромову он берет. После этого на остальных экзаменах к ней уже не придирались.

То ли благодаря этому, то ли из-за неуживчивого взрывного Ритино характера, но отношения с однокурсниками у нее не очень-то сложились. Таких, как Рита, провинциалов без роду, без племени на курсе было немного. Основной же костяк составляли хорошо одетые, чистенькие и не обремененные материальными проблемами сынки и дочки московской элиты. Из этой модно прикинутой, летающей на выходных в Куршевель гвардии мало кто умел сочинить текст для поздравительной открытки, не то что наваять к семинару целый этюд.

Разумеется, Риту вся эта честная компания к себе не приняла. Она, впрочем, и не пыталась наладить отношения со своими однокашниками. И лишь с интересом отслеживала все новые и новые появлявшиеся о ней слухи. Говорили, что Хромова спит с Мастером и только поэтому и была принята на курс. Твердили, что Рита давно и крепко сидит на героине и все свое вдохновение черпает из посещающих ее во время приходов фантазий. Ей все эти перешептывания были безразличны, немного забавлял лишь тот факт, что в любом новом обществе она умудряется становиться скандально известной персоной, не прилагая к этому никаких усилий.

Рита отдавала себе отчет, что московская жизнь изменила ее. Изменения коснулись и внешности – вместо безбашенной малолетки, кажется, вообще не помнившей, что на ней надето, с кое-как скрученными на затылке волосами, теперь в зеркале она видела такую полубогемную диву с декадентским налетом. Короткая асимметричная стрижка, несколько выбеленных прядей в копне темных блестящих волос – как солнечные лучи, пронизывающие предгрозовое небо, подведенные темным выразительные губы, тяжелый серебряный браслет на хрупком запястье (свистнула в антикварном магазине на Арбате), красно-бело-черный наряд...

Из всех, с кем она познакомилась во ВГИКе, единственным близким другом ей стал Лева Беликов, студент художественного факультета, удивительно талантливый, остроумный, совершенно беспринципный беспечный гомосексуалист. Левка был не в ладах с матерью, пару лет назад ударившейся в религию и объявившей сына с его извращенными наклонностями великим грешником. Разругавшись с родительницей вдрызг, Лева съехал из родного дома в крошечную квартирку на Пятницкой, оставшуюся ему после смерти бабки. В этой квартире, выгороженной когда-то из длинной многонаселенной коммуналки, Рита зависала у своего приятеля довольно часто, когда хотелось сбежать куда-нибудь из вечно не спящей вгиковской общаги на улице Бориса Галушкина.

Левка стал единственным по-настоящему близким ей в Москве человеком. Общение их состояло по большей части из взаимных подколов и розыгрышей, за которыми скрывалась истинная привязанность и забота. Левка стал ее первым настоящим другом – не таким, как когда-то в детстве Аниська или Банан, с которыми она просто проводила время за неимением лучшей компании. Нет, Левка действительно стал для нее близким и родным человеком, и Рита чувствовала, что и он, несмотря на его циничные замечания, относится к ней с настоящей теплотой.

Вдвоем с Левогой они составляли довольно интересный тандем – парочка всегда веселых аморальных авантюристов, не гнушающихся сомнительными развлечениями и не вполне законными способами подзаработать. Бонни и Клайд или, скорее, лиса Алиса и кот Базилио. Впрочем, для творческих целей Левкино логово тоже использовалось весьма активно. Беликов был счастливым обладателем компьютера, и Рита, давно простившись с потрепанной общей тетрадью «История России, 9 “Б”», предпочитала теперь хранить свои наброски в электронной памяти Левкиного компа. Героями ее коротких рассказов, заданных во ВГИКе этюдов, короткометражных сценариев становились так хорошо ей знакомые жители городского дна – мелкие мошенники, карманники, подростки-наркоманы, совершавшие преступления в надежде разжиться деньгами на дозу.

Мастер курса Демьянов, именитый сценарист, по работам которого было снято несколько известных картин еще в советское время, благодаря вескому слову которого Рита и была принята на курс, отмечал, что у Риты есть собственный стиль письма, способность подмечать детали и живо передавать на бумаге характерные особенности и речь персонажей.

– Однако, – вздыхал он, вальяжно откидывая со лба пижонистую седую прядь, – вам, Маргарита, все еще не хватает глубины образов. Вы не копаете вглубь, а скользите по поверхности. Вам еще только предстоит подняться до вершин психологизма.

Рита втайне считала Демьянова слегка припорошенным пылью веков ретроградом. Хотя не могла не отмечать, что его оценки творчества ее и однокурсников часто бывали удивительно меткими и точными. Как бы там ни было, этот попыхивающий трубкой корифей был мастером своего дела, хотя, возможно, и не «сек» последних тенденций современного киноискусства.

Идею повести о человеке, вынужденном бежать из родного города, которая пришла ей в голову еще в школе, Рита тоже не оставляла. Забросив своего героя в Москву, протащив по всем модным кабакам и притонам, столкнув с бандитами и заставив совершить убийство, она теперь должна была двигать его дальше и не вполне понимала пока еще, в какую сторону.

Вот и теперь, стоя с Левкой в трамвае, который, тихо позванивая, полз мимо украшенных лепниной желтых и голубых особнячков Замоскворечья, она, сдвинув брови, размышляла, куда теперь отправить своего персонажа. Левка, распространяя вокруг себя мускусный запах самого модного этой осенью унисексового парфюма, что-то увлеченно рассказывал ей. Она же перебила его, дернув за рукав шикарнейшего пальто.

– Левка, куда может податься человек, если ему надо исчезнуть? От милиции, от близких, вообще от всех?

– Ты меня слушала хоть немного? – обиженно дернул плечом Лева. – Не трожь пальто, писательница, хрен знает, из какого допотопного отреза его склепал этот Пьер Карден недоделанный.

– Ну прости, не злись, моя принцесса! – подколола его Рита. – Я просто задумалась. Так куда?

– Во французский легион записаться, – предложил Лева. – Туда всех берут, кто отбор пройдет, и о прошлом не спрашивают. Хотя ты Центробанк ограбил или всю семью вырезал. Там новую личность выдают и контракт на пять лет. В фитнес-центр со мной один парень ходит. Говорят, он там служил. Какие плечи, ты бы видела... Просто мраморный Давид. Убежденный натурал, к несчастью. – Он скорбно прикусил нижнюю губу.

– В легион, говоришь? Это мысль... Надо подумать, – протянула Рита. – Ладно, что ты там рассказывал про дело?

– Порно! – торжественно провозгласил Левка.

Две бабульки, сидевшие около них, вздрогнули и возмущенно поджали губы.

– Чего? – скептически протянула Рита.

– Помнишь, я тебе рассказывал про одного типа по кличке Гнус, – продолжил Беликов. – Ну такой, приклатненный, что-то типа бандитской шестерки. Но с идеями! Так вот, значит, теперь он организовал подпольную порностудию. Я тут с ним ужинал на днях...

– Продажная душонка!

– На себя посмотри, грабительница неудавшаяся! Так вот, я с ним ужинал, и он мне прям в красках расписал все свои творческие планы. И я сразу подумал о тебе!

– О-о, мне очень лестно, Левочка, – закатила глаза Рита. – Из нас с тобой вышла бы очень киногеничная пара. Только сниматься с голым задом я не буду!

Бабульки поднялись со своих дерматиновых сидений и прошествовали к выходу из трамвая. Одна из них, чувствительно приложив Риту по ноге авоськой, прошипела:

– Бесстыжие!

– Я просто убит вашим негодованием, – в шутовском жесте прижал руку к груди Лева, затем снова обернулся к Рите: – Не сниматься, кретинка. Писать! Я тебя предложил в качестве сценариста. А себя в качестве...

– Консультанта по мужской любви, – продолжила Рита.

– Художника-постановщика! – возразил Лева. – Хотя и в сценарий я смогу внести неопенимый вклад, сама убедишься. Слушай, ты же эту фигню слабаешь за неделю! А Гнус платит в баксах. Соглашайся!

Они выскочили из трамвая на нужной остановке и пошли по улице, мимо причудливых старинных особнячков. Впереди маячил в сером осеннем небе бело-зеленый шпиль церкви.

– Порносценарии? Ты это серьезно? – со смешком уточнила Рита. – Назови хоть одну причину, по которой я должна на это согласиться.

– Ммм... Может быть, деньги? – предложил Лева, увлекая Риту за собой в каменную подворотню.

Они оказались во внутреннем дворе, усаженном старыми узловатыми липами. Под начинающим накрапывать дождем тихо дремало несколько иномарок. Из офиса какой-то конторы, располагавшегося в доме напротив, вышли двое клерков в костюмах и остановились покурить под козырьком подъезда.

– Пфф, – фыркнула Рита. – Деньги можно достать куда более простым путем.

– Ну да, знаю я твои детские проделки, провинциальная шпана, – засмеялся Лева. – И что тебе лень тратить время на что угодно, кроме незаконных авантур и рассказов про твоих мизераблей, тоже знаю. Я тебя знаю как облупленную, Жан Жене московского разлива. Но я тебе предлагаю как раз и то и другое!

– В смысле? Я что-то не улавливаю... – сдвинула брови Рита.

– Это девиз всей твоей жизни, – подколот ее Лева. – В смысле, Гнус обещал мне, что пустит тебя на съемочную площадку. Что ты сможешь узнать в деталях, как снимается подпольное порево, потрепаться с актерами... ну и так далее. Скажешь, тебя не интересует этот бесценный материал? Да брось, ты же потом сможешь использовать его в десятке твоих этюдов!

Рита не смогла сдержать восхищенной ухмылки.

– Ты дьявол, Левка! Ты знал, на что меня купить, а?

– Конечно, знал, – самодовольно вздернул подбородок он. – Все потому, что я – это ты, а ты – это я. Мы два сапога пара, моя дорогая Гретхен. Пошли! Нас ждут великие дела!

Он распахнул перед ней дверь подъезда. Смеясь и подначивая друг друга, они взлетели по широкой лестнице на третий этаж. В дверь Левкиной квартиры засунуто было несколько печатных брошюр. Левка вытащил их, развернул и поморщился.

– Драгоценная маман опять наведывалась. Смотри!

Он сунул бумажки Рите в руки. Та, поднеся их ближе к глазам в полутемном подъезде, прочитала: «В помощь кающемуся», «Как преодолеть свой грех».

– Лева, это че за душеспасительная литература?

– А это мамочка пытается вернуть меня на путь истинный, – весело объяснил Лева. – У меня этой макулатуры уже полная квартира. Вообще, она еще неплохо держится. Черт его знает, как бы я себя вел, если б мой собственный сын оказался педиком.

Левина покойная бабушка была именитым советским скульптором. Вместе с квартирой в центре Беликову в наследство досталось множество работ, которые не нашли своего применения при жизни покойной. Квартиру заполняли гипсовые и мраморные лепные торсы и рельефные задницы, которые сама скульпторша в свое время посчитала проходными, неудачными или попросту не успела довести до совершенства. Конькобежцы, гимнасты, готовящиеся к прыжку пловцы, мускулистые рабочие белели тут и там в полусонной тишине квартиры. Самая крупная статуя – крутобедрый атлет – встречала посетителей квар-

тиры буквально на пороге, поигрывая квадрицепсами в углу прихожей. Левка повесил на плечи атлета свое новое пальто и широким жестом пригласил Риту в дом:

– Входи, надежда российской порнографии! Усаживайся за комп и принимайся за работу. Я пообещал Гнусу, что первый сценарий будет готов через неделю. Поживешь пока у меня, чтоб ничто там тебя в общаге не отвлекало от трудов праведных.

– Да ты просто эксплуататор, – покачала головой Рита. – Ладно, с тебя кофе!

Она прошла в комнату, включила компьютер, смахнула со стола ворох Левкиных эскизов, закурила и уставилась в высветившийся на экране чистый лист.

Следующие несколько дней Рита провела в Левкиной квартире, отлучаясь только в институт и по возвращении сразу принимаясь за работу. Левка исправно варил ей кофе, временами приносил тарелку с какой-нибудь нехитрой едой собственного приготовления. Рита же совершенно погрузилась в написание этого идиотского порносценария. Через несколько дней у нее уже в голове гудело от постоянного описания разнообразных половых актов.

– Та-а-ак... Входит сантехник, – устало диктовала самой себе она.

– Эротично помахивая вантузом, – добавлял Левка, вольготно раскинувшийся на диване.

Ступни его упирались в подлокотник, голова откинута, и золотистые кудри в беспорядке свисали вниз.

– Эротично помахивая... – машинально повторила Рита. – Тьфу ты! Левка, не мешай! Сейчас брошу все, и сам будешь эту тягомотину кропать.

– Я же, наоборот, помогаю, – с деланой обидой возмущался Лева.

Рита затянулась сигаретой, стряхнула пепел в сложенные ковшиком гипсовые ладони статуэтки, стоявшей на столе.

– У меня проблема с диалогами, – пожаловалась она. – Убей бог, не знаю, что они еще могут говорить, кроме «Не останавливайся, крошка!» и «О боже, да!».

– Ха! Да я могу предложить миллион вариантов! – Левка подскочил на диване, быстро опустился на задницу, скрестил ноги в некоем подобии позы лотоса и запустил пальцы в волосы: – Как тебе: «Возьми меня, мой тигр!»? Или «Хочу ощутить твой вкус!»? Или «О-о-о, глубжееее, вот так, да...»?

– Помедленней, я записываю, – с хохотом прервала его Рита. – Левка, ты просто кладезь!

– Еще бы! А тебе, милая Гретхен, воздержание явно не идет на пользу. Сколько мы с тобой знакомы? Второй год? А я что-то до сих пор ни разу не слышал ничего про твою личную жизнь! Дорогая моя, это просто нездорово! Заметь, вот у тебя уже и фантазия иссякает.

– Заткнись! – оборвала его Рита, перестав смеяться и снова принимаясь барабанить по клавишам.

– Нет, серьезно! – не отставал Беликов. – Ты что, хранишь верность какому-нибудь прекрасному принцу из своего Задрищенска?

– Не твое дело! Еще одно слово, и эта гипсовая телка полетит тебе в голову, – мрачно предупредила Рита.

– Ладно, ладно, – примирительно вскинул ладони Лева. – Я же не знал, что все так серьезно.

– Ты даже не представляешь, как все серьезно, – бросила Рита.

За все время, проведенное ею в Москве, она никогда никому не говорила о Марате. Даже Левке. Теперь, по прошествии двух лет, все, что было между ними – все это отчаянное, нежное, полудетское, – казалось таким далеким. Она столько думала о нем, столько вспоминала, столько различных вариантов их будущей встречи нафантазировала себе, что теперь уже и сама не могла разобраться, что из этого было на самом деле, а что родилось

в ее воображении. Иногда начинало казаться, что не было попросту ничего – приснилось, привиделось промозглым осенним вечером.

Она не видела его два года, довольствуясь короткими отрывочными сведениями – здоров, служит, все в порядке. И старалась не думать о том, что будет, когда Марат вернется. Господи, они ведь были почти детьми, может быть, он о ней давно и думать забыл.

Или, может быть, в эту минуту, когда она придумывает свои идиотские фантазии, его уже нет больше на земле? Нет! Такого просто не может быть!

Иногда ей казалось, что она ждет его каждую минуту. Чем бы ни была занята, о чем бы ни думала, какая-то часть ее мозга всегда улавливала малейшие сигналы извне. Анализировала каждый приглушенный звук, каждый шорох – не могут ли это быть шаги Марата или его голос. Ее глаза отслеживали каждый похожий силуэт в толпе, ловили мимолетное движение на самом краю периферии зрения – не Марат ли это разыскивает ее в незнакомом городе.

Иногда же ей казалось, что она вообще больше не ждет ничего.

3

Через неделю сценарий был готов. Заказчик, которого Левка именовал не иначе, как Гнус, встретился с Ритой в маленьком прокуренном кафе. Из-за стойки хрипло орал магнитофон. В углу раскинула хлипкие ладони запыленная пальма.

Рита оценивающе разглядывала своего работодателя, примостившегося за столом напротив. Стертая, ничем не примечательная внешность показалась ей довольно противной. Острая крысиная мордочка со следами редкой, но тщательно культивируемой острой бородки. Тощая дерганая фигура – чем-то похож на ее школьного приятеля Аниську. Тонкий острый носик, влажноватые маленькие ручки. Кличка Гнус подходила ему настолько, что у Риты даже мысли не возникло поинтересоваться его настоящим именем. Интересно было, что с виду Гнус совсем не походил на гомосексуалиста, и если б Рита не знала о его пристрастиях, так сказать, из первых рук, ни за что бы не догадалась об ориентации работодателя.

Проговорив с Гнусом буквально десять минут, Рита уже догадалась, что Левка был прав насчет этого кадра – пустое место, приклатненная шестерка, изо всех сил пытающаяся произвести впечатление серьезного человека «со связями». В то же время Гнус явно мнил себя творческой личностью, сыпал известными кинематографическими именами и изо всех сил пытался дать понять, что его будущее кино – не просто тупая порнуха, но высокое искусство.

– Вас правда зовут Гретхен? – козлиным тенорком выдал он, начиная беседу.

Рита махнула рукой:

– Не обращайтесь внимания, это Лев Иванович придумал. Считает, что я похожа на героиню «Фауста». Меня зовут Рита.

– Мм... Фауст... – щуря и без того маленькие глазки, протянул тот.

«Ну, давай, скажи еще, что это твоя любимая книга», – едва сдержала усмешку Рита.

– Валерий, – отрекомендовался Гнус, протянув ей через стол влажную узкую ладонь.

Надо же, у него, оказывается, было настоящее имя! Вытянув пальцы из хватки Гнуса, Рита незаметно вытерла их под столом о край плаща.

– Мне понравился ваш сценарий, Рита. Вы правильно оценили задачу: не просто дешевая порнография, а нечто эксклюзивное, драматичное, в духе Бертолуччи, если хотите.

Рита, не сдержавшись, прыснула и тут же сделала вид, что подавилась сигаретным дымом. «Бертолуччи, смотри-ка ты!»

– Да-да, – закивала она, спрятав за ресницами искрящиеся смехом глаза. – Я так и поняла, что вас интересует артхаус. Если можно так выразиться, нуар.

Крысеныш расплылся в довольной улыбке. Ноздри его затрепетали. «Решил, значит, не просто бабла срубить и завалить привокзальные ларьки склепанным на коленке поревом, а еще и почувствовать себя эстетом от кинематографа», – уточнила для себя Рита.

– Так вы, Рита, хотели побывать на съемочной площадке? – спросил Гнус.

– Мечтаю об этом! – доверительно склонилась она к нему через стол. – Вы ведь знаете, я учусь во ВГИКе, и мне очень интересно было бы наблюдать, как мое произведение обретает жизнь, полноту, так сказать, красок. Тем более под вашим тонким руководством.

Гнус аж прижмурился от удовольствия, как обожравшийся сметаны кот.

– Тогда пойдете! – Он поднялся, небрежно швырнув на полированную столешницу несколько купюр.

Рита отметила про себя, что размер чаевых никак не соответствовал широте жеста. У выхода из кафе их ждала серебристая «девятка» Гнуса. Впрочем, хозяин кивнул на нее Рите с таким пафосным выражением лица, словно это был, по меньшей мере, «Ламборджини». Рита села в салон, провонявший приторным освежителем воздуха, Гнус опустился на водительское сидение, и машина рванулась вперед по московским улицам.

Съемки проходили в подвале жилого дома. Еще недавно тут был расположен детский спортивный клуб, и на окнах, находившихся под самым потолком, наклеены были олимпийские мишки с гириями, гантелями и теннисными ракетками.

– Завесьте окна чем-нибудь, – распорядился Гнус. – А то щас народ сбежится. А я давать бесплатное представление не собираюсь.

Левка метался по обшарпанному сырому помещению, таскал за собой какие-то рулоны ткани, взлетал на стремянку, закрепляя что-то под потолком, замирал по углам, окидывая сосредоточенным взглядом пространство, и тут же бросался снова что-то вешать, крепить, драпировать. В конце концов, его стараниями вонючий подвал превратился чуть ли не в восточный дворец из сказок «Тысячи и одной ночи».

Оператор Славик – бородатый, в потертой бейсболке, из-под которой свисал пыльно-рыжеватый хвост волос, в майке с надписью «Х.З.», обтягивающей круглый выступающий живот, прохаживался по съемочной площадке, добродушно рассказывая всем желающим старые анекдоты.

Гнус изо всех сил делал вид, что руководит съемочным процессом. На самом же деле он только и занимался тем, что таскался за Левкой по всему подвалу, пожирая увлеченного юношу глазами. Принюхивался, облизывался и, кажется, едва удерживался от желания прикоснуться.

Улучив минуту, Рита шепнула Беликову:

– Слушай, мне страшно за тебя. По-моему, он сейчас тебя сожрет.

– Пфф, ты просто завидуешь моей неотразимости, – фыркнул Лева.

В камерке в конце помещения – бывшей раздевалке спортклуба, из которой открывалась дверь в провонявшую плесенью душевую, наносили макияж актеры. Рита, движимая любопытством, заглянула и туда. Три фигуристые девицы, развалившись на низкой скамейке и вытянув на середину комнаты бесконечные ноги, красились, извлекая грим из одной, общей на всех, в подтеках тонального крема, розовой косметички.

– Ната-а-аш, замажь мне прыщик тут, – гнусаво протянула одна.

Вторая принялась закрашивать красный бугорок на виске подруги. Третья девица обернулась к Рите и спросила с певучим украинским акцентом:

– Привет! А ты кто такая? Тоже сниматься будешь?

– Не, я так, – неопределенно повела плечом Рита. – Автор сценария.

– А-а-а... – протянула та, которую называли Наташей, окидывая Риту оценивающим взглядом: – Слыхали, девки? Это вот она все сочинила, как нам сегодня трахаться

Две другие девчонки так же принялись присматриваться к Рите. Одна шепнула что-то другой на ухо, и порноактрисы захихикали.

– Слушай, а можешь там в сценарии поменять, чтоб меня за сиськи не особо хватали, – снова обернулась к ней Наташа. – А то у меня после силикона кожа еще чувствительная, неприятно, блин!

– Ладно, я посмотрю, что можно сделать, – кивнула Рита и вышла из гримерки.

Как только дверь за ней захлопнулась, из-за тоненькой стенки донеслись смешки:

– Автор сценария, слышали, бля? Интеллигенция типа!

– Ой, не могу! Небось рожей не вышла, чтоб сниматься, вот Гнус ее к делу и пристроил – бумажки писать.

– Интересно, че она сюда приперлась тогда? Посмотреть, как нас драть будут? Извращенка, что ли?

– Ой, да ладно, девки, че вы вызверились, – бросила Наташа. – Пусть смотрит, если интересно, че вам, жалко, что ли. Все равно на наши жопы скоро пол-Москвы через экран пялиться будет.

Рита, стоя за дверью, усмехнулась. Эта девчонка с украинским акцентом, Наташа, чем-то понравилась ей. Может, таким беспомощным нахальством в сочетании с в общем-то незлой натурой. Надо будет познакомиться с ней поближе.

К Ритиному удивлению, оказалось, что процесс съемок порно напрочь лишен какого бы то ни было эротического флера. Происходящее скорее напоминало какие-нибудь изматывающие спортивные соревнования. Где-то выисканный Гнусом медбрат «Скорой помощи» деловито вкалывал актерам-мужчинам стимуляторы. Актрисы в паузах между съемками промокали пот влажными салфетками и устало прихлебывали минералку из пластиковых бутылок. Оператор Славик, не обращая ни малейшего внимания на обилие обнаженных тел вокруг, оборачивался к Гнусу и, хихикая, начинал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.